

Инна Балашинская

Детектив
сильных
страстей

Конец
земной истории

Бюро случайных находок

Инна Бачинская

Конец земной истории

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Конец земной истории / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2016 — (Бюро случайных находок)

В «Бюро случайных находок», открытое ясновидящим и волхвом Олегом Монаховым, обратилась странная девушка Лика и рассказала, что в семье ее отца, знаменитого режиссера Левицкого, одна за другой произошли две трагедии: гибель в автоаварии молодой жены режиссера и убийство его сестры. Экзальтированная девица, актриса по профессии и по жизни, утверждала, что вскоре случится еще одна смерть, если не вмешается Монахов. Он скептически отнесся к словам взбалмошной девчонки, но отправился с ней в гости в дом Левицких просто из интереса – ему любопытно было взглянуть на знаменитого режиссера и его семью. Напрасно Монах не поверил в предчувствия Лики – во время застолья в доме внезапно погас свет и новое убийство все-таки произошло...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Инна Бачинская

Конец земной истории

© Бачинская И. Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Глава 1

Тайное свидание

*...Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Не проходит любовь у меня...
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Твои пальцы браслет теребят...
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Но сейчас, вот сейчас ты уйдешь...
Я люблю.*

Шарль Азнавур.

Ливень стеной, шквальный ветер, охапки желтых листьев бьют в стекло, всполохи молнии, рев грома. Женщина каждый раз вскрикивает, мужчина прижимает ее к себе, шепчет что-то утешительное, целует. Она обнимает его, отвечает на поцелуи, шепчет:

- Навсегда?
- Навсегда! – отвечает он. – До тех пор, пока смерть не разлучит нас.
- Не надо про смерть! Смерти нет! Мы навсегда!
- Не буду. Ты меня любишь?
- Я подумаю. Я подумаю!
- Ах так! Ну, держись! Сейчас выброшу в окно!

Это вроде игры, всякие фразочки: «Ты меня любишь?», «Навсегда?», «На всю оставшуюся жизнь?», «Да, да, да!», «Ты один!», «Навсегда!» Шуточки, подколки, радостный глупый смех без причины. Они ласкают друг дружку словами – разными, смешными, придуманными, производными и не существующими в природе словечками, интонацией. Эту игру придумала она, и он, сдержанный на слова и жесты, жесткий, грубиян и драчун, принял. Пробует слова на слух, постигает тонкую сладость любить словами. Просто любить, а не трахаться. Она многому его научила за столь короткое время, за короткую их историю, и ему уже кажется, они вместе всю жизнь. Часы и дни разлуки непереносимы, ему страшно, что она может пропасть, исчезнуть, попасть под машину, разбиться, принять яд и умереть. Она сказала однажды: «Я уже хотела уйти, насовсем... И ушла бы! А тут ты».

Банальное уличное знакомство. Она уронила сумочку – оборвалась ручка, щелкнул замок, и косметика, шоколадка, салфетки, защитные очки, деньги вывалились прямо ему под ноги. Он отпрыгнул, чтобы не раздавить яркие тюбики и футлярчики, взглянул на нее, она улыбнулась и... он пропал. Потом они сидели в уличном кафе, и он из шкуры лез, чтобы ей понравиться. Она бледно кивала, через силу улыбалась; не разрешила себя проводить. Но он все равно увязался, тайно, не понимая, зачем. Чем-то она его зацепила – то ли безрадостными глазами, то ли бледной неяркой красотой. Красотой? В том-то и дело, что... непонятно. Непонятно, красота ли. Да и неважно. Он думает о ней постоянно, ночью и днем, испытывая жалость, страх и ненависть. Ненависть к ее мужу, к ее дому, к ее кругу...

Они столкнулись через пару дней, совершенно случайно, как думала она, не подозревая, что он дежурил у ее дома. Он привел ее к себе, в свою небогатую квартиру. Жадно впился в ее губы – в прихожей, – стиснул, сдавил, потерял голову. Она была даже не в его вкусе – длинная, тонкая, бледная; если бы он был образован, то сказал бы «готика». В его кругу про таких говорят «ог-лобля». Да, видать, было в ней что-то – беззащитность, покорность... черт знает что!

Она подчинялась, не отталкивала его руки, позволила...

Уже потом, через месяц примерно, он предложил ей уйти, но она только покачала головой. Ты его не знаешь, сказала. Найдет, выследит, убьет. Тут надо по-другому. Подожди. Подожди. Подожди.

– Хочешь, я его убью? – спросил он.

Она закрыла ему рот рукой.

– Дурачок, ну что ты несешь? Убьет он! А потом? Сядешь? А я? Ты обо мне подумай!

До боли знакомая история. Молодая жена, вещь своего мужа – старого богатого деспота и насильника. И молодой, нетерпеливый, голодный любовник с горящими глазами. Пожар в крови, страсть, желание – ненасытное, яростное, до черных мушек в глазах, пересохшие губы и пропавший голос! Ревность. А она – вещь. Чужая вещь. А чужую вещь трогать нельзя, с преступников спрос особый. Ворам отрубали руки... когда-то.

– Давай не будем, – просит она. – Мы вместе, спасибо и на том. Я живу тобой, будем благодарны за любую малость.

– А что дальше? – спрашивает он в который раз. – Я схожу с ума, ты с ним ночью, он тебя...

Получилось грубо, но образно, и его скрутило от ревности. Слово – сильное оружие. Он почувствовал ее пальцы на губах, она заставляет его замолчать.

Он вообще грубоват, незатейлив, что думает, то и говорит. Простой парень из предместья. Она – деликатнее, мягче...

– Нет, – сказала она. – Давно уже нет, у нас и спальни раздельные.

Он знает, что она врет, он ни капельки не верит ей, он ни за что не поверит... Ревность – о, это страшное ревущее чудище с зелеными глазами! Он проводит руками по гибкому длинному тонкому телу подруги, касается груди, ласкает, мнет... Она обвивается плющем, дальше – взрыв!

...Они лежат обессиленные, влажные, бездыханные. Разбросав руки, закрыв глаза.

– Я убью его, – говорит мужчина. Женщина молчит...

Он поворачивается к ней, хватая ее за плечо, притягивает к себе. Она вскрикивает от боли. Он испуганно отпускает – что? Присматривается и видит... синяки на плече, шее, спине... Она отпихивает его руки, хватая простыню, закрывается.

– Он тебя бьет? – глухой от ненависти и ярости голос.

Она тихо плачет, стараясь не всхлипывать. Они молчат. Он лежит, уставясь в потолок, сжимая кулаки, подыхая от ненависти, боли, любви.

– Он знает про нас, – говорит она безжизненным голосом. – Он меня убьет.

– Нет, – отвечает он. – Он тебя не убьет. Потому что я убью его первый. Молчи! Ты женщина, ты слабая. Решать буду я. Поняла?

Она покорно молчит...

Глава 2

Убийство старой дамы

Не очень молодая женщина в теплом плаще с тяжелыми сумками поднималась в лифте на четвертый этаж, сосредоточенно подсчитывая в уме, сколько ушло на продукты, сколько – на стиральный порошок и мыло, сколько – на коммуналку. Соображала, что еще надо прикупить. Не сегодня, и так руки чуть не оборвала, и ноги не казенные. Завтра. Или послезавтра. Нина Владимировна будет недовольна, характерец еще тот, выскажет, что думает. А ты стой дура душой. Ладно, не впервой, пусть говорит. Зато деньги хорошие.

Она оперлась плечом о стенку; лифт трясся и дребезжал, того и гляди оборвется. Приличный вроде дом, а лифт – барахло. Если бы не четвертый этаж да не сумки, то можно и пехом.

Она отперла дверь, грохнула сумки оземь, стала раздеваться. Потащилась на кухню, удивляясь, что Нина Владимировна не окликнула, не позвала, не потребовала доложить. Перегрузила продукты в холодильник, включила электрочайник. И пошла к хозяйке с отчетом.

Она застыла на пороге гостиной, удерживая рвущийся из горла вопль. Ее хозяйка лежала на полу у дивана лицом вниз, и вокруг ее головы растекалась темная лужица крови. Длинная синяя кофта, широкие домашние брюки; разбросанные руки, на безымянном пальце левой руки обручальное кольцо. Вдова. Уже двадцать лет. Сдвинутый журнальный столик, упавшие на пол две книги и журнал – видимо, Нина Владимировна, падая, толкнула его. Завернувшийся угол ковра. Комната как сцена – много света, за окном – яркий солнечный день, гардины раздвинуты...

Дрожащими пальцами женщина – ее звали Елена Степановна – набрала номер, да так и осталась стоять, опираясь плечом о дверной косяк, стараясь не смотреть на неподвижное тело, распростертое на полу, и не решаясь уйти вон. Ей было страшно, она плакала и тихонько подвывала. Дверной звонок заставил ее вскрикнуть. Приехали четверо; старший отрекомендовался майором Мельником. Они протопали через прихожую и сгрудились на пороге гостиной...

– Как вас зовут? – спросил майор.

– Елена Степановна Ухова, я у Нины Владимировны работаю по дому. Прихожу через день, убираю, готовлю, покупаю продукты. Вчера не работала, сегодня закупились и пришла, а она... ее... – Она замолчала.

– Что вы можете сказать о вашей хозяйке?

– Зовут Нина Владимировна Сидакова, лет двадцать как на пенсии, работала судьей, все знакомые оттуда. Иногда приходят, тоже судьи, юристы, в карты играют. Мне помогла с адвокатом, когда сын попал в аварию. Интересуется... – Она охнула и закрыла рот рукой. – Интересовалась политикой, много знакомых, вечно разговаривала по телефону или по компьютеру, в театр ходила, на выставки, читала много. А летом на море. Крепкая еще, хоть и в возрасте, модой интересовалась, любила хорошо одеться... Пенсия хорошая, да и сбережения есть. Иногда продавала картины, от мужа остались, известный художник был.

Нина Владимировна Сидакова была убита ударом по голове тяжелым округлым предметом, возможно обрезком трубы. Удар пришелся в левый висок, смерть наступила мгновенно. По предварительному заключению судмедэксперта Лисицы, небольшого седого человека с приятным выражением добродушной готовности внимать и соглашаться на лице, убита Сидакова была около пятнадцати часов назад, то есть примерно в семь вечера накануне. Домработница не знала, ожидала ли хозяйка гостей, скорее всего, нет, так как продуктов в холодильнике совсем мало. То есть тот, кто навестил старую даму вчера вечером, был кем-то незначительным – просителем, возможно. Профессиональных связей Нина Владимировна не рвала

и знакомства в судейской сфере имела самые широкие, к ней всегда кто-то обращался. «Одного с другим сводила и всем выгода», – с намеком сказала домработница. Тем более ни кофе, ни печенье не подавались. Случайный проситель, должно быть.

Следы грабежа выявлены не были, деньги на месте, ценности – золото, несколько вещей с бриллиантами, три шубы, картины покойного мужа, несколько старинных бронзовых фигурок, латунные подсвечники – все на месте.

Нина Владимировна, оказывается, увлекалась астрономией. В спальне стоял на штативе телескоп – красивая блестящая игрушка. Елена Степановна вздохнула: «Нина Владимировна все вечера просиживала, все в небо смотрела, говорила, что это чудо! Мне предлагала посмотреть, да все как-то не получилось... Новая труба, недавно купленная, дорогущая! Нина Владимировна очень гордилась. И книг тоже накупила про звезды...»

Все осталось на месте. Похоже, убийца пришел убить и убил. После чего ушел, унеся с собой орудие убийства.

Соседи никого не видели. Говорили они с майором Мельником неохотно, и у него зародилось подозрение, что жертву в доме недолюбливали. Домработница, помявшись, согласилась, что действительно, не особенно любили, потому как у Нины Владимировны был *характер*. Не только не любили, но и побаивались, как дети, так и взрослые. Она была строгая, делала замечания, отчитывала, угрожала законом. Пьянчужка из квартиры напротив боялся ее как огня, а дворник брал под козырек. Она отчитывала матерей за шалости детей, мужиков за машины, запаркованные под окнами, вызывала полицию к соседям, которые «гуляли» после одиннадцати. И прозвище у нее было соответствующее: Мегера.

– Возможно, кто-то из соседей? – предположил майор Мельник. – С кем были проблемы в последнее время?

Елена Степановна беспомощно пожала плечами и пробормотала, что проблемы были всегда, но не до смертоубийства же...

Жертва была личностью неординарной во всех отношениях: писала маслом пейзажи, но картины не вешала на стенку, а прятала в кладовку; зимой купалась в проруби, а летом каждое утро в шесть утра совершала заплыв на ту сторону речки; не ела мяса, вела здоровый образ жизни, но зато пила много кофе; собирала марки. Над письменным столом в кабинете висела большая картина в богатой раме: яркий солнечный день, голубое небо, женщина в светлой короткой юбочке – молодая, стремительная, с теннисной ракеткой в правой руке, мячик в левой, колени полусогнуты, глаза прищурены – так и кажется, сейчас разогнется и влепит по мячу. Хороша! Чувствуется характер. Муж?

На письменном столе ноутбук последней модели. Фотографии в красивых рамочках: с мужем в парке; на море, в ярком сарафане; за границей, видимо, улицы не наши; с молодой женщиной на диване, на журнальном столике – чашки, в вазочке печенье...

В ящике письменного стола, среди бумаг покойной, были обнаружены три почтовые открытки, полученные в течение двух последних недель. Какие-то цветочки, все разные. Вместо текста стояли лишь цифры «1983», видимо год. Обратного адреса не было. На всех трех один и тот же год. И больше ничего. Шариковой ручкой, черными чернилами. Версия напрашивалась сама собой – месть. Майор Мельник прикинул, сколько времени займет поднять в архивах все дела судьи Сидаковой за тысяча девятьсот восемьдесят третий год, и застонал мысленно. Тогда ей было... прикинул он, около сорока. Больше тридцати лет назад! Кто-то очень долго ждал. Хоть и говорят, что месть – блюдо, которое подают холодным, но тридцать с гаком... не слишком ли большой срок? «Столько не живут» – вспомнил он старый дурацкий анекдот.

– Родственники? – переспросила домработница. – Есть младший брат, вроде по театральным делам, писатель, еще две племянницы и племянник, но она их не жаловала. С братом на ножах уже и не упомнишь сколько времени, никогда не звонили друг дружке, даже по празд-

никам, даже на Новый год. Говорила про брата – дурак с рогами, все время женится на молодых. Я его никогда и не видела. Не понимаю я этого... родные все-таки. Племянника, кроме как бездельник и... сейчас вспомню... слово такое, не наше... я еще спросила, а она отвечает: ничтожество. Лузер! Во-во, лузер. Кроме как бездельником и лузером, никогда не называла. Отношения были только со старшей, Ларисой, тоже по судейским делам, только не судья, а адвокатша вроде, свое дело. Они даже похожи между собой, и характер одинаковый. Незамужняя, в годах, уже не девочка. Одевается как старуха. Нина Владимировна смеялась над ней, говорит, что ж ты как старуха, у меня и то тряпки поярче будут, звала по лавкам, пошли, говорит, подберем тебе что путное, а то так старой девой и помрешь, а тебе еще замуж идти. А Лариска губы закусит, нахмурится, тетя, говорит, давайте оставим тему моего замужества, а голос-то, голос! Как у генерала, только команды отдавать. Какой замуж, прости господи! Кто ж посмеет с такой – страшно! Серьезная, не улыбнется никогда, слова доброго не скажет. Как зыркнет – аж на душе меркнет. Одно слово – судейская. Приходила, приносила печенье или цукаты, Нина Владимировна любила овсяное печенье, такое только в гастрономе на площади, «дельвита» называется. Гоняли чай да свои дела обсуждали – законы, всякие известные случаи, убийства в городе... словом, как в газете – криминальные хроники. И так и сыплют всякими словами учеными, перебивают друг дружку, до хрипоты, чуть не до драки. Наследница. Нина Владимировна ей все отписала. Родственная душа, можно сказать, она ей вроде дочки была. Да вот она, на фото, чай пьют. Лариса...

– А вторая племянница? – спросил майор Мельник.

– Ну, та совсем девчонка, про нее и разговора никогда не было. Ничего про нее не знаю. Да и не видела ни разу.

– Кто забирал почту? Вот эти открытки, помните, может, хозяйка при вас их рассматривала, что-то говорила... – спросил майор Мельник.

– Про открытки ничего не знаю, – наморщила лоб Елена Степановна. – Я вынимаю почту, может, и было чего, да я не заметила. Не мое дело. Сейчас много чего бросают, я все приносила, складывала на тумбочке в прихожей в стопочку, она потом разбирала. Она их не выбросила, видать, что-то важное. Не знаю.

Что-то важное. Видать.

Глава 3

Из дальних странствий возвратясь...

Дождь лил как из ведра. Ветер мотал водяными струями, с размаху швыряя их в стены и в неосторожных прохожих, которых сподобило высунуть нос из дома. Было очень холодно, даром что только начало ноября. Крупный мужчина с громадным рюкзаком за плечами остановился у многоэтажки номер двенадцать по улице Вокзальной. Застыл на секунду, вспоминая код, потом решительно потыкал в кнопки. Замок щелкнул, и дверь открылась. Мужчина ступил внутрь, отряхнулся, чем напомнил большого пса, и потопал на третий этаж, проигнорировав лифт по причине малого пространства. Постоял под дверью, унимая волнение, и нажал на красную кнопку звонка. Он слышал, как в квартире раздалось глухое дребезжание, потом топот детских ног, и наконец тонкий детский голосок спросил: «Кто там?»

– Олечка! – радостно закричал мужчина. – Это дядя Олег! Открывай скорей!

– Сейчас! Дядя Олег, не уходи! Сейчас я открою!

Дверь распахнулась, и мужчина подхватил на руки малыша лет четырех, который стоял на табурете.

– Олечка, привет! А где родители и девчонки?

– Мама пошла в магазин, папа на работе, Марка и Куся в школе. Дядя Олег, ты уже приехал?

– Приехал!

– А подарок?

– Есть и подарок, как же без подарка. Давай запрем дверь и поговорим, как мужик с мужиком...

...Здесь мы несколько отвлечемся от текущих событий и расскажем читателю, кто такой путешественник, что подошел к дому номер двенадцать по улице Вокзальной пятнадцать минут назад. Олег Христофорович Монахов приходился старинным другом и одноклассником хозяину квартиры, Жорику Шумейко, и крестным отцом маленькому Олечке, открывшему дверь. Была это вполне незаурядная личность, склонная к частой перемене мест, и жизнь эта личность вела также незаурядную, свободную от скуки, рутины, а также необремененную ответственностью и семьей. Другими словами, это была свободная личность. Свободная от обязательств, любимой женщины, детей и коллег по работе. Бродяга и скиталец, другими словами. Правда, некоторая собственность все-таки была в наличии – совместно с Жориком Олег Монахов числился совладельцем фабрички пищевых добавок, которая носила незатейливое название «Зеленый лист», худо-бедно функционировала и даже давала прибыль. Жорик отвечал за техническую базу, Олег – за рецепты снадобий и связи с алтайскими и непальскими травниками.

Они дружили еще со школы, как было уже сказано, – дерганый, кипящий энергией и идеями расхристаный Георгий по кличке Жорик-Зажорик и благодушный толстый и солидный Олег Монахов. За общие шалости попадало, как правило, одному Жорику. Планида у них была такая по жизни. Уже тогда в Олеге проклеывался математический гений, а также и лидер. Он всегда был другой. И девочки за ним бегали, и учителя его любили, и конфликтные подростковые ситуации он улаживал, когда стенка шла на стенку. И не били его никогда, и драки его миновали.

За свою жизнь Олег Монахов... кстати, прозвище у него с детства было Монах, переменил множество профессий. В свое время он окончил факультет психологии столичного университета и физмат местного политеха, остался на кафедре, защитился, начал писать доктор-

скую. И все без напряжения, играючи. Была там какая-то некрасивая история с жалобой на него, соперник припомнил ему и панибратство со студентами, и увлечение эзотерикой, и дружеские посиделки с пивом, что несовместимо с образом педагога. Монах сообразил, что это шанс, и бросил на стол ректора заявление об уходе. После чего подался в бега – давно собирался, но не хватало хорошего пинка, да и привычка принимать горячий душ по утрам, да пить кофе, да чесать языки с коллегами держала якорем. Да лень. А тут все так сошлось и так легла карта, что стало ясно – или сейчас, или никогда, судьба ухмыляется, дает волну и попутный ветер, и тут главное – не опоздать. Так как жизнь проходит мимо и не сегодня завтра будет поздно. Подался в бега и с тех пор не мог остановиться.

Он бродил по Сибири с дикой бригадой шишкобоев, находя общий язык с беглыми преступниками, ворами и пьяницами, с самым последним человеческим отребьем. Собирал целебные корни, растения, от которых спишь как младенец, и нервы как канаты, ягоды и травы. Записывал рецепты народных медицинских и шаманских снадобий и пробовал на вкус, так сказать, а также заговоров и приговоров. Жил в палатке или под развесистой елкой, купался в проруби. Однажды зимовал в землянке неизвестно где, отбившись от стаи и потеряв тропу.

Таким необычным человеком был Олег Монахов по прозвищу Монах, школьный друг Жорика Шумейко. Сам же он совершенно искренне считал себя волхвом. И ведь действительно, было в нем что-то... он был как бы над миром, парил наверху непредвзятым арбитром в житейских делах близких – в том смысле, что мог дать дельный совет, но никогда не осуждал, и проблема казалась вполне решаемой, стоило ему появиться на сцене. Он видел человека насквозь, пронизывая его внутренним взором, ничему не удивлялся, был благодушен, никогда не дрался за место под солнцем, а просто уходил. При случае, для пользы дела, мог погрузить в транс и вырвать признание, внушить уверенность, успокоить расшатанные нервы, восстановить сон, аппетит, избавить от тоски и тревоги... словом, было дано ему от природы *нечто*. Одно время он даже практиковал как экстрасенс... было дело, и достиг определенной известности среди обывателей города, а потом бросил. Он все бросал в конце концов и снимался с места. Такая задача у него была по жизни – идти, не останавливаясь, – разве что ненадолго перевести дух. Перевел – и снова вперед. Бродяга, странствующий факир, фокусник и философ Олег Монахов...

Семья... была время от времени. Он был женат трижды, всякий раз на красивейших женщинах, включая приму местного драматического театра. С женами разводился тоже легко, оставаясь с ними в самых дружеских отношениях. Связи не терял, забегал на огонек, даже оставался ночевать иногда, под настроение.

– Живой! А я думал, тебя уже схарчили аборигены! – радостно встречал друга Жорик, когда Монах вваливался к нему как-нибудь поутру или на ночь глядя, грязный, обросший пестрой патлатой бородой, с неподъемным рюкзаком за плечами после двух-трехлетнего отсутствия. Друзья обнимались, замирали на долгую минуту, после чего Монах отправлялся в ванную, долго плескался в горячей воде, выливая на себя полбутылки шампуня, подстригал и расчесывал бороду и выходил оттуда уже новым человеком. Они сидели чуть не всю ночь, пили водку, закусывали чем бог послал и общались.

Монах, несмотря на легкость на подъем, всегда был толст. Даже тайга не заставила его похудеть. Ходит он легко, раскачиваясь для равновесия, в длинных рубашках навыпуск, чтобы замаскировать необъятный живот, и матерчатых китайских тапочках для удобства. Часто носит бороду и длинные волосы, отчего напоминает батюшку, и тогда бабульки крестятся ему вслед. Он солидно кивает и осеняет их мановением толстой длани. Говорит он неторопливо, басом. Все делает со вкусом. Со вкусом кушает, говорит, слушает, думает. Со вкусом лежит на диване, уставившись в потолок, рассматривая трещины. Он окутан такой мощной аурой покоя и надежности, что любому человеку становится легче от одного его вида.

«Ситуацией владеет тот, кто работает над ее овладением». «Цель оправдывает средства». «Главное – не попадаться под ноги бегущим». И др. Этот набор нехитрых истин был его жизненным кредо. Монах, как было уже упомянуто, считал себя волхвом и был как бы над моралью. Химера совести его тоже особенно не обременяла. Но справедливости ради нужно заметить, что при случае он мог поделиться последним куском или отдать с себя последнюю рубашку. Он испытывал к жизни и людям любопытство и нетерпеливое желание знать, что будет завтра и что происходит в других местах. Отсюда проистекала его любовь к перемене мест.

Кроме того, он был абсолютно уверен, что человек не заканчивается с земной жизнью, а существует после смерти в ином формате. Он сомневался, правда, что память отдельно взятого индивидуума сохранится в новом формате, но мысль, что рано или поздно он узнает наверняка, постоянно присутствовала на заднем плане его размышлений. Существует порядок вещей, считал он, и все на свете подчиняется этому порядку.

О себе он говорит: «Я же не Господь Бог и не ясновидящий, я всего-навсего скромный бродячий волхв с аналитическими способностями...»

Однажды Монах от нечего делать, да и настроение накатило подходящее, создал страничку в Сети, где пообещал помощь всем или почти всем страждущим. Соскучился по роли великого гуру, не иначе. Сайт назывался не совсем понятно и даже как бы со скрытым и не совсем понятным смыслом: «*Бюро случайных находок*». Какие такие «находки»? Почему «случайные»? Жорик, например, выразился скептически, что название дохлое, бесхребетное, и он не верит, что найдутся желающие, тем более экстрасенсов сейчас завалились, как собак нерезанных, конкуренция, одним словом. Какие, к черту, случайные находки? И вообще тут в тему скорее не «бюро», а «сундук» или вообще «кладовка» со всяким старым хламом. Жорик был далек от понимания тонкостей стиля, он был прост и незатейлив, видел мир черно-белым – вернее, красно-зеленым в силу свойственного ему оптимизма, – без подтекста, и нюансы смысла от него часто ускользали, а потому Монах не обратил ни малейшего внимания на его критику.

Приводим объявление полностью, и судите сами – сунулись бы вы туда или нет. Итак:

«Бюро случайных находок. Вопросы и ответы»

«Здравствуйте, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пеструю жизнь я встречался с разными людьми, попал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе. Запомните: нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что – все! Тупик, конец, безнадёга! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придется решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

И тут же фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубахе навыпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди, прищурясь, смотрит на зрителя...

Нельзя сказать, что от желающих сунуться и получить дельный совет бывалого человека не было отбоя. Нет. Но пару интересных дел он все-таки раскрутил...¹ После чего сбежал в пампасы и прерии. Отсутствовал около полутора лет и вот вернулся и позвонил, сдерживая волнение, в родную дверь...

...Через час появилась Анжелика, супруга Жорика. Монах сидел на ковре посреди комнаты, вытаскивая из рюкзака причудливые корни, камни и шишки. Рядом с ним сидел крестник – маленький Олежка. Анжелика взвизгнула и бросилась на шею гостю. Тут пошли сердечные объятия, поцелуи, расспросы – радость свидания, одним словом. Ближе к вечеру

¹ См. романы «Ошибка бога времени» и «Маятник судьбы».

подтянулся Жорик, и казалось уже, что не было разлуки, что никто никуда не уезжал, что разговор возобновился с того самого слова, на котором закончился полтора года назад. Монах, с красной обветренной физиономией, с расчесанной аккуратно бородой и густой русой гривой до плеч, благостный после ванны, в новой голубой рубашке, подаренной Анжеликой, сияя синевой глаз, сидел во главе праздничного стола. На коленях у него прыгал крестник – маленький Олежка. Это был вечер рассказов, вопросов и ответов. Это была семья.

– Не нагулялся? – укоризненно приговаривал Жорик, разливая водку. – Не надоело? Сколько можно бродяжничать?

– Оставайся, Олежка, – просила Анжелика. – И правда, сколько можно? И возраст... Как твоя спина?

– Спина? – Монах завел руку назад и потрогал поясницу. – Нормально. Вы лучше расскажите, как вы, ребята. Как бизнес? Я привез материалы и образцы, навел мосты с целителями из Непала, работы непочатый край.

– Мосты – это хорошо, – отвечал Жорик. – Бизнес не так чтобы шибко, но стоим твердо. Твоя Кира² молодец, не баба, а конь с... Одним словом, бой-баба. – Помедлив, он добавил: – Кстати, она вышла замуж.

Наступила тишина. Анжелика и Жорик переглянулись. Монах смотрел в тарелку. Потом сказал неопределенно:

– Да, хватка у нее имеется, не отнимешь...

– А ты, Монах, дурак и уши у тебя холодные, – хотел сказать Жорик, который, будучи простым парнем, всегда говорил что думал. Анжелика пихнула его коленом, он проглотил рвущуюся с кончика языка фразу. Вместо этого сказал: – Может, осядешь? Квартирку прикупим, доход позволяет. Присмотрим хорошую женщину, вон у Анжелки полно неженатых подружек, и вперед с песней! Сколько можно? Романтика не надоела? Так и пропасть можно где-нибудь под елкой, а мы будем ждать, а годы будут идти... – Голос его дрогнул.

Анжелика промокнула глаза салфеткой.

– Ну, вы, ребята, прямо как на похоронах! Жив я, жив! – прогудел растроганный Монах. – Вернулся, живой-здоровый, полный сил, привез новые идеи, будем расширяться, расширять географию. Дел непочатый край, говорю, а вы как за упокой, честное слово! – Помолчав, он спросил: – За кого она вышла?

– За какого-то журналиста, Леша Добродеев рассказывал. А она никому ни словечка, промолчала, а я, когда узнал, собрал коллектив и поздравил. Выпили шампанского, подарили вазу, все честь честью. Она аж заплакала, смутилась, говорит, и свадьбы-то не было, потому и не сказала... и на меня зырк! Эх ты, Монах! Такую женщину упустил!

Монах покивал и спросил:

– Лина³ в городе?

– Лина? Уехала, давно уже, и след простыл. Забежала попрощаться, тебе привет. С тех пор ни слуху ни духу. Алеша Добродеев иногда звонит, интересуется, наказывает передавать привет от... сейчас, сейчас... – Жорик наморщил лоб. – От *Детективного союза толстых любителей пива!* Говорит, без Христофорыча как-то не то, скучно стало, жизнь пошла пресная, даже пива не хочется. Когда, мол, вернется, жив ли? Жив, говорю, может, бог даст, к зиме вернется. Живет в монастыре, набирается мудрости у далай-лам, волхв, как-никак. Леша пишет книгу, говорит, между прочим, ты у него главный герой, сыщик, имечко тебе придумал: «Руслан...» э-э-э... как-то там, не помню уже, вроде «Чегерин», что-то типа татаро-монгольское. Так что ты у нас теперь не Монах, а Руслан Чегерин, знаменитый волхв и ясновидящий частный детектив.

² Персонажи романа «Маятник судьбы».

³ Персонажи романа «Маятник судьбы».

Монах поморщился.

– Лешка набуровит, – пробормотал. – А Эрик⁴ где?

– У нас, куда же это чудо теперь девать, наследство твое. Трудится, старается. Постригся, начал здороваться с коллективом. Ты вот скажи лучше, ты навсегда или опять до весны?

– Не знаю, Жорик, как карта ляжет. Если честно, подустал я бродяжничать, это романтика для молодых, а я чувствую себя... – Он вздохнул. – Как в той бардовской песне: я стар, я устал да и двигаться стал я с трудом. Время разбрасывать и время собирать, Жорик.

– Ну и правильно! Пора остепениться, обженем тебя, на свадьбе погуляем, – обрадовался Жорик. – Эх, люблю я погулять на свадьбе!

– Ты думаешь?

– А то! Оставайся, Монах.

– Я подумаю, Жорик. Я подумаю. Кстати, никто не писал в «Бюро»? У меня и компа не было, так, иногда просматривал почту при случае. В монастыре, кстати, есть. Цивилизация их тоже достала.

– Не знаю, Монах, – пожал плечами Жорик. – Да я и не заглядывал туда в последнее время, замотался, совсем времени нет. Брось ты эту ерунду, Монах, несерьезно это все. Тебе нужно фабрикой заняться, хозяин ведь. Что-нибудь новенькое привез?

– Займемся, Жорик, не бойся. Все будет пучком, – пообещал Монах, откручивая проводочку на пробке шампанского. – Привез, как же, всего привез. Поговорим. А сейчас давайте за встречу! Шампанское женщинам, покрепче мужикам. Если бы вы знали, ребята, как часто я о вас думал! Сиж у костра, верхушки деревьев пошумливают, речка журчит, на тысячи кэмэ ни одной живой души. Как там, думаю, ребята? Анжелика, думаю, читает детектив; ты, Жорик, со своими железками на диване. Люблю я вас, ребята...

– И мы тебя! – вскричала Анжелика, шмыгая носом. – И мы тебя тоже!

– За встречу! – Жорик украдкой промокнул глаза. – Никуда мы тебя больше не отпустим, правда, Анжелка?

Анжелика кивнула. Они выпили.

– Жорик, ты не очень налегай, – сказала Анжелика. – Сам знаешь...

– Не говори под руку!

– Ты, главное, закусывай, – заботливо сказал Монах, пододвигая Жорику миску с салатом. Он считал, что тощему Жорику для кайфа недостает нужной массы. У него самого, как мы уже знаем, нужная масса была в избытке. Между прочим, Монах никогда не пытался худеть, подсознательно понимая, видно, что не это в человеке главное, и у больших – своеобразный шарм, главное – не пытаться занять меньше места, ужиматься и утягиваться и чувствовать себя кругом виноватым. Наоборот, побольше уверенности в себе, побольше достоинства, даже величия. Надеюсь, никто здесь не станет спорить с утверждением, что толстому человеку легче выглядеть величественным, чем худому. Взять Монаха и Жорика, например...

⁴ Персонажи романа «Маятник судьбы».

Глава 4

Клиентка

В почте «Бюро» его ожидало письмо, отправленное неделю назад. Монах открыл его и прочитал следующее: *«Добрый день, уважаемый Олег Монахов! Мне очень понравился Ваш сайт, где Вы обещаете помощь в безвыходных ситуациях и говорите, что безвыходных ситуаций практически не бывает. Я с Вами не согласна, потому что весь мой жизненный опыт говорит, что жизнь только из таких ситуаций и состоит. Но спорить с Вами не буду, так как уважаю Ваше мнение. Давайте проверим, бывают или не бывают, и кто в итоге окажется прав. Нужно поговорить и обсудить одно дело. В ближайшее время. Напишите мне, буду ждать с нетерпением. Желательно до пятнадцатого ноября. Ваша Лика».*

Монах с легким чувством оторопи перечитал послание еще раз, чувствуя его странный привкус и необычный стиль, хотя ответить себе, что же показалось ему странным, он затруднился бы. Странное построение фраз, нарочито назидательный тон, неторопливость и монотонность, ни одной ошибки, все до единой запятой... Обычно он чувствовал человека, а тут полнейшая безликость! Письмо женщины по имени *Лика* было *безликим*, извините за каламбур. Из него нельзя было заключить ни кто она такая, ни сколько ей лет. Что касается безвыходной ситуации, в которую она попала, то не похоже, чтобы она была такой уж безвыходной – во всяком случае, из ровного тона письма этого отнюдь не следовало. Что наводило на вопрос: а что же ей нужно? Причем до пятнадцатого ноября? Он представил себе тощее существо без пола и возраста, с незапоминающейся физиономией, в бесформенном платье и круглых очочках, которое монотонно читает с листка вышеприведенный текст. Она написала *«весь мой жизненный опыт...»* Сколько же ей? Тридцать? Сорок? Больше? Кроме того, странностью было то, что она просит о помощи, но тут же заявляет, что не верит ему. И как это прикажете понимать?

Инстинкт самосохранения помигал красной лампочкой, что значило: «не лезь, а то влепишь». Да и вообще бюро уже история. Пережито, забыто... Монах доверял инстинктам, они несколько раз вытаскивали его из безвыходных ситуаций. Курсор замер над значком «удалить», но палец повис в воздухе. Монах задумался. Потом не торопясь отстукал ответ: *«Добрый день, Лика! Извините, что задержался с ответом. Если Ваша безвыходная проблема все еще не исчезла с горизонта, то я готов обсудить с Вами возможности выхода из кризиса и предложить посильную помощь. Если не ошибаюсь, до пятнадцатого ноября еще три дня. Ваш Олег Монахов».* Письмо улетело, а он отправился на кухню пить чай.

Через десять минут пришел ответ: *«Сегодня, в четыре в «Детинце». До встречи. Лика».*

Таким образом, Рубикон был перейден, и Монах занялся отчетами фабрики, которые принес Жорик. Он сидел на кухне – в самом теплом месте в квартире, в махровом халате, сунув в рот карандаш. На экране был открыт калькулятор, и Монах резво бегал пальцами по клавиатуре. Жорик и Анжелика убыли в восемь утра – отвезти девочек в школу, а Олежку в садик, а потом по своим делам – Жорик на производство, Анжелика по лавкам. Монах был один. Он наслаждался одиночеством, потому что, если честно, семейство Шумейко несколько его утомило. В квартире стояла тишина – ни детишек, ни телевизора, ни перепалок Жорика и Анжелики. Монах уже в который раз подумал, что идея купить квартиру... а почему бы и нет? Друзья всегда примут, но хотелось бы свой угол. Тем более Монах чувствовал себя уставшим, да и спина давала о себе знать, может, прав Жорик – сколько можно бегать по свету, не мальчик, чай, скакать, пора и честь знать.

...Без десяти четыре Монах переступил порог погребка «Детинец». Встал, обвел взглядом небольшой зал, где царил желто-красно-синий полумрак – окно-витраж изображало оленя

на фоне синего неба. Над оленьими рожками застыл серпик молодого месяца. Зал был пуст, лишь за столиком у окна спиной к нему кто-то сидел. Монах отметил оттопыренные уши и круглую воробьиную голову, стриженную под ноль. Мальчик? На столе стояли чашка с кофе и маленькая рюмка коньяку. Не колеблясь, он потопал к столику.

– Ли́ка? – В голосе его сквозило сомнение.

Мальчик вздрогнул и привстал, уставясь на Монаха выпуклыми зелеными глазами. Кивнул. Монах присмотрелся. Это было странное существо – тощее, бледное, как картофельный росток в погребе, в белом обтягивающем свитерке, увешанное цепочками и кулонами. С крохотными грудками. Девочка! Монаха кольнуло нехорошее предчувствие – напрасно он принял приглашение. Но поздно, деваться было некуда.

– Позвольте? – Он вытащил стул и уселся напротив.

– Господин Монахов? – пискнула девочка тонким голоском эльфа, не сводя с него насто-роженного взгляда.

– Я! – отрапортовал Монах, помахав официантке. – Кофе, пожалуйста. Я не опоздал?

– Нет, это я пришла раньше. У меня бзик – дико боюсь опоздать. Вы такой... такой... – она запнулась. – Такой большой! И борода больше, чем на фотке, и вообще...

– Старая фотография, я с тех пор подрос. – Монах степенно пропустил бороду сквозь пальцы. – Опаздывать женщине простительно. Даже нужно. Пусть ваш мужчина почувствует страх, что вы можете не прийти.

– Правда? – Она всматривалась в его лицо, пытаясь определить, шутит он или серьезен.

– Правда. Самая правдивая правда на свете.

Она неуверенно хихикнула.

– Так что же у вас случилось, Ли́ка?

– Кое-что, и я думаю, скоро может случиться еще.

– Вас мучат предчувствия?

Она пожала плечами.

– Ли́ка, сколько вам лет? – вдруг спросил Монах.

– Я уже совершеннолетняя, – заявила она важно. – Допустим, двадцать. – Она увела взгляд и закусила губу – соврала.

Монах взял ее руку. Рука была холодная, с тонкими детскими пальцами и короткими ноготками. Она побагровела, вспыхнули даже уши, и попыталась вырвать руку, но он не позволил. Они сидели, держась за руки. Она смотрела в стол...

– Вам семнадцать, Ли́ка, не врите старшим.

– Подумаешь! Допустим, почти восемнадцать. А как вы догадались?

– Вы читали мой сайт?

– Ну, читала, и что? – удивилась она.

– Помните, что там сказано? Бывалый путешественник, психолог, ясновидящий... Так что любое вранье мигом просекаю. Понятно?

– Там не было про ясновидящего! – вскрикнула она. – А вы правда ясновидящий?

– Конечно. А теперь рассказывайте.

– Пятнадцатого день рождения мамочки, и у нас будет прием.

– Где будет прием?

– У нас дома. Ну, не прием, а просто гости. Это семейная традиция после смерти мамы, почти двенадцать лет. Собирается вся семья.

– Ваша мама умерла?

– Да, я была еще совсем маленькая, пять лет всего. Сердце. Вы не могли бы говорить мне «ты»? А то как-то... – Она передернула острыми плечиками.

– Чем ты занимаешься? Учишься?

– Ага. В театральной студии. Это семейная профессия. Мама была актриса. Папочка – режиссер, вы наверное слышали – Роман Левицкий! Работал в Праге, в Риме, в Берлине. В Риме ставил «Божественную комедию», в Берлине – Брехта. – В голосе ее зазвучали хвастливые нотки. – До сих пор в репертуаре. Сейчас он пишет мемуары – встречи со знаменитостями, современный театр, все такое. Он у меня старенький, ему уже за семьдесят. Я у них поздно родилась. Сейчас почти не выходит, сидит дома. У него проблемы со здоровьем.

– Одна из моих жен была актриса, – заметил Монах. Имя режиссера было ему незнакомо. – Пробовала себя где-нибудь?

– В роли Дездемоны... – Лица скосила взгляд на витраж, оттопырила нижнюю губу.

– Как тебя принимали? – Монах с трудом удержал усмешку, представив себе это странное существо в роли Дездемоны.

– Плакали! – процедила она неохотно.

– Ну что ж, это признание.

– От смеха! Представляете?

Монах рассмеялся.

– Понятно. Ну и..?

– Понимаете, двадцать четвертого сентября разбилась на машине жена отца, Нора. Не вписалась в поворот, был дождь, темно... – Она вздохнула. – Неплохая женщина, мы с ней ладили. Глупая, правда. Тоже актриса, только оперетты. Папа обожал ее пение. «Я танцевать хочу, я танцевать хочу...» – и все такое. После ее смерти он неделю не вставал, отказывался есть. Если бы не Юлия... это наша экономка, на ней все держится. Она ведет дом, следит, чтобы папочка принимал лекарство – у него давление и печень. Она правильная тетка. Даже Лариска это признает. Говорит, слава богу, что есть Юлия, иначе всем вам хана, все с придурью, что ты... это про меня, что папочка. Лариска – это моя старшая сестрица, очень правильная... аж тошнит!

Монах подавил ухмылку.

– Это Юлия тебя воспитывала после смерти мамы?

– Еще чего! Меня никто не воспитывал. Лариска пыталась... даже не смешно! Она страшная зануда. Отец вечно в разъездах, Юлия вела дом, а Лариска зудела. Ужас! К счастью, она с нами не живет, у нее шикарная сталинка в центре. Папочка с Норой поженились девять лет назад. Нора была безобидная. А Лариска тогда жила с нами. Она сначала ушла – когда училась в институте, а когда умерла мамочка, вернулась. А когда папочка женился, снова ушла. И с тех пор меня никто не пытается воспитывать. Мы жили вчетвером – отец, Нора, я и Юлия. Юлия с нами уже лет восемь или даже больше. Или нет! Она пришла сразу после папочкиной свадьбы. Значит, восемь. У отца еще есть сестра, копия Лариски, тетя Нина. То есть была. Они не разговаривали сто лет. То есть папочка и тетя Нина. Тетя Нина только Лариску жалует. Характер фельдфебельский, что у Лариски, что у тети Нины. Тетя Нина – работала судьей, а Лариса адвокат – два сапога... – Она вдруг осеклась. – Никак не привыкну. Тетю Нину убили месяц назад, двенадцатого октября. Открыто следствие, к нам все время ходят, расспрашивают. Две смерти за месяц. Даже меньше. Если бы вы видели, как они на нас смотрят! Лариска – наследница, тетя все оставила ей. Она была богатая, муж дядя Слава – художник, хорошие картины ей оставил, она их понемножку продавала и ни в чем себе не отказывала. Отец чувствует себя виноватым, они никогда не ладили, он говорит, что не проявил достаточно терпения, в детстве он ее очень любил, она делала с ним уроки, научила плавать. А я помню, он рассказывал, как удирал от нее, сыпал соль в чай, а однажды порвал школьный дневник, и она его отлупила. И вообще издевался. Знаете, когда умирают родные, начинаешь изводить себя за невнимание, грубые слова, не так сказали, не то, не проявили терпения, соли насыпали... Просто ужас! Папочка едва пришел в себя после смерти Норы, как тут тетю Нину убили.

Он снова слег, даже не хотел гостей, но я сказала, что это семья, надо быть вместе, традиция есть традиция, и он согласился. Вот! А теперь...

– Ты сказала, тетю убили? – переспросил Монах, рассматривая ее.

– Да, ударили чем-то по голове. Ее домработница пришла утром, а она лежит убитая.

Представляете? Вся в крови.

– Чего же ты хочешь от меня?

– Помешать третьему убийству.

– Помешать убийству? – удивился Монах. Ему казалось, девочка играет придуманную роль, а он – публика. – Откуда мысль о третьем убийстве? Ты что-то знаешь?

– Ничего я не знаю! Но ведь кто-то же тетю Нину убил? Убил. И Нора разбилась. Две смерти в семье в течение трех недель. Не удивлюсь, если будут еще жертвы. Весь мой жизненный опыт говорит, что нужно готовиться к худшему. Помню, в одной английской пьесе...

Она поджала губы и опустила глаза. И снова у Монаха появилось чувство, что его дурачат, и он уже не публика, а простофиля из неизвестной ему пьесы. Он испытующе смотрел на Лику, пытаюсь разгадать некий тайный замысел и каверзу, придуманную этим странным существом неизвестно с какой целью – может, репетиция новой роли. Ни тайный смысл, ни каверза решительно не просматривались – перед ним сидела девчонка, играющая роль взрослой женщины.

– Ваши гости – кто они? – спросил он наконец.

– Все свои, семья и несколько старых друзей. Лариска, конечно, явится, скрепя сердце.

Будет сидеть с кислой физиией и рычать на папочкины шуточки. Еще мой братец Леонид с супругой Ириной и ее вечным хвостом – подружкой Алисой. Алиска бесхозная, у нее вечно какие-то недоразвитые любовные истории. Может, они хотят подсунуть ее папочке в роли новой жены. С них станется. Папочка еще о-го-го! Глаз горит. Там один бюст шестой размер, не говоря уже о... – Она запнулась, сделала округлый жест руками и словно бы смутилась, и Монаху снова показалось, что она валяет дурака. – Не думаю, что папочка клюнет, ему не нравятся дуры, хотя... Ну, то есть *такие* дуры. Алиска не просто глупая, она форменная дура, мозги как у курицы. Но офигительная красотка – в духе этой... Зеты-Джонс, вся из себя пышная и мягкая. – Она вздохнула, вытянула губы трубочкой, поводила пальцем по столу. Подняла взгляд на Монаха и сказала: – При такой внешности простительно быть душой, правда? Для вас, мужчин, это просто неважно – липучие ручки тянутся к телу, а не к голове. Ведь не книги же папочка с ней собираются читать. Она была у нас два раза за последнюю неделю – приходила одна. Сидела, хихикала, несла какую-то чушь, глазками стреляла. Одним словом, ужас! Ирка ее всюду таскает за собой, подруги неразлейвода. Леонид тоже запал на нее, скалит зубы, когда она щебечет, и веко дергается. Ленька неврастеник и истеричка. Но это между нами, ладно? Получается, Ирка ревнует к Алиске сразу обоих – и Леньку, и папочку. Такая семейная идиллия. – Она помолчала. – Ну, потом еще придет доктор Владимир Семенович, обязательно! Старинный друг папы, классный старикан и лапочка. Всегда рассказывает всякие страшилки из практики – покойники, морги, всякие амнезии – аж мороз по коже! Про *переход*! В смысле, отсюда – туда. Ужас! Волосы дыбом. То ли врет, то ли правда. Будет еще подруга Лариски Екатерина со своим бойфрендом Виталием... Вот чего я не догоняю, так это зачем она пригласила Катюку! – Лика уставилась на Монаха круглыми, слишком наивными глазами. – Катюка отбила его у Лариски, представляете? С виду тихоня – уси-пуси и глуповатая, и вдруг на тебе! Я ей однажды говорю, ты, Лариска, слишком умная, тебя никто долго не выдержит, сделай вид, что дура, похихикай, ляпни какую-нибудь глупость! Она как глянула, прямо смертоубийственно! Я и присела. Да пожалуйста! Мне что, больше всех надо? Они два года не разговаривали, а тут помирились и снова прекрасная женская дружба. Прямо чистый тебе оксюморон, извините за выражение. Сейчас заплачу от умиления. И этот тип согласился прийти! Представляете? Ни малейшего понятия о приличиях. Или хочет обратно? – Она сморщила лоб и сделала вид, что задумалась.

– Лариса замужем?

– Лариска? – Лика фыркнула. – Нет, конечно. Ее все боятся. Я бы не удивилась, если бы она... – Лика замолчала, ухмыльнувшись, и сделала вид, что смутилась.

– Если бы она... что?

– Если бы она подсыпала Катьке крысиного яда. Я видела в ее мобиле фотку Виталия. Она его до сих пор любит. Он восточного типа, похож на хорька, весь прилизанный, шикарно одетый, парфюм сшибает с ног, прямо ночи Шехерезады. Убей, не понимаю, что она в нем нашла! Они обе. Ну, Катька ладно, мозги слабые, но Лариска! Она его юристконсульт, они встречались два года, он крутил ей мозги, я думаю, чтобы не платить, а потом Катька прибрала его к рукам. У него три магазина электроники – «Сатурн», знаете?

– Не обращал внимания. Каким образом ты увидела фотку?

– А! Каким, каким... Обыкновенным. Взяла из сумочки и увидела. А что? – Она смотрела на него своими нахальными зенками. «Что-то не так?» – читалось в ее взгляде.

Монах невольно улыбнулся.

– Ты серьезно насчет яда?

– Ну что вы! – Лика рассмеялась и махнула рукой. – Это такая гипербола. Но между нами, она могла бы, запросто. В принципе. Лариска – каменный идол, в кого она такая – ума не приложу! В тетю Нину... – Она вдруг ахнула и закрыла ладошкой рот. Монаха кольнула тонкая игла предчувствия – похоже, последуют новые признания. – А вдруг это ее мать?

– Кто?

– Тетя Нина – мать Лариски! Родила, не хотела воспитывать и отдала брату!

– Зачем?

Она пожала плечами.

– Откуда я знаю? Отдала и все. – Она скорчила гримаску и сказала: – Да ладно, это я так, не парьтесь. Папочка говорит, что мне нужно перед каждой фразой считать до десяти, а то ляпаю несусветное. Как пришелец из космоса. – Она свела глаза к переносице и высунула язык. Потом сказала серьезным тоном: – Понимаете, мы ведем очень замкнутый образ жизни, и я думаю, что убийства совершил кто-то свой. Не бывает таких совпадений. Весь мой жизненный опыт...

– Детективы читаешь?

– Ну, читаю. И фэнтези. И классику. Читаю папочке вслух, вырабатываю дикцию.

– И кто жертва, по-твоему?

– Да я уже всю голову себе сломала! – воскликнула Лика, всплеснув руками. – Пробую разные комбинации, и так, и этак. Ничего не получается! Не складывается, так как непонятен мотив. Понимаете, брат Леня – неудачник, вечно без работы. Он журналист, сейчас считается, что он пишет книгу. Уже пять лет он делает вид, что пишет книгу. За пять лет можно собрание сочинений написать, если есть что сказать. Не представляю, кого могла бы заинтересовать его писанина. Папочка иногда звонит знакомым, давит авторитетом, его берут в газету или на радио, но без толку, все равно через месяц вышибают. Классический бездельник с амбициями – все вокруг баракло, а он – непонятый гений. Мамочка его обожала, вот он и получился... такой неадекватный. Его даже от экзаменов в школе освобождали по слабости здоровья. Женился три раза. Третья супруга, Ирина, – красотка, каких мало, но генетическая лентяйка и злая. Папочка ее очень любит. Он подкидывает им на жизнь исключительно ради Ирки. У папочки слабость к красивым женщинам. – Она развела руками и рассмеялась. – Знаете, вся жизнь в театре, условный мир сцены, быстрая смена картинок... все такое. Лариска с ними не общается, разумеется. Презирает, называет трутнями. Ирка не работает. То есть работала на подтанцовках, а потом ушла – не по рангу. Вот если бы актрисой, да еще на главные роли, тогда да! Но этого даже папочка не может. Они таскаются к нам за деньгами раз в месяц, приносят торт, коньяк... Юлия накрывает на стол. Ирка держит папочку за руку,

щебечет. В мини, все коленки наружу, с вырезом до пупа. Папочка тут же тает и выдает на расходы, хотя торт не ест и пьет только виски. Так и живем. Но в последнее время папочка как бы охладел к ним, два раза отменил визит, сказался больным... не знаю. Подозреваю, из-за Алиски. Они рассчитывают на наследство, и я бы поняла, если бы они папочку... – Она запнулась. – Знаете, говорят, убил тот, кому выгодно. Как у Шоу: кто шляпу украл, тот и бабушку убил! Но, тогда непонятно, кто убил тетю Нину. Им бы никогда ничего не обломилось. И все это знали. Ее смерть выгодна Лариске, но это не она. Тетя Нина единственный родной ей человек, взаимопонимание полное... то есть была... было. Лариска прилично зарабатывает, ей от папочки ничего не надо. Она приходит к нам только в день рождения мамочки, раз в год – пятнадцатого ноября. И все. Даже не звонит. На папочкин день рождения присылает бутылку хорошего виски, а на мой приглашает меня в кафе, мы пьем кофе, ну, там торт, пирожные, она спрашивает про учебу, воспитывает, зудит – не так одета, намазана как уличная девчонка, прическа дурацкая, бижу... На себя бы посмотрела сперва! Серая моль! Даже не красится, деловая женщина. Спрашивает, как и что, учеба, личная жизнь, но я вижу, что ей неинтересно и она думает о своем. Она была против театрального, хотела, чтобы я шла в юридический, обещала взять к себе в офис. Я – в юридический! – Лика расхохоталась. – Я бы им всех преступников выпускала! Дает денег. Она не жадная, она просто считает, что мы ведем неправильный образ жизни и... ди-стан-ци-руется. Вот.

Монах рассматривал Лику, с увлечением рассуждавшую о том, кто из ее близких убийца, и удивлялся. Этот ребенок, похоже, даже не понимал, насколько чудовищные вещи он говорит. Легкость, с какой Лика выкладывала незнакомому человеку подробности причудливых семейных отношений, ее фантазии и полет мысли – все это рождало в нем чувство оторопи, и ему пришло в голову, что не только отец семейства живет в условном мире театра, но и эта маленькая наивная девочка чувствует себя в жизни как на сцене и постоянно играет роль. То особы в летах, умудренной житейским опытом, то циничной продвинутой старлетки. Все как бы понарошку, в параллельной реальности, в кривом зеркале. Дездемона...

– Чего же ты хочешь от меня? – повторил он.

– У меня есть план!

– Интересно послушать.

– Вы придете к нам и посмотрите на всех свежим взглядом, и тогда, может, поймете, кто есть кто. Как вам?

– В качестве кого?

– Ну... – Она окинула его испытующим взглядом. – ...Хотя бы в качестве моего бойфренда. – Она даже не покраснела.

– Я?! В качестве бойфренда? – поперхнулся Монах. Она ставила его в тупик своей непредсказуемостью, незрелостью и попросту глупостью. Или это было что-то другое? Наивность? А чем, спрашивается, глупость отличается от наивности? Глупость – навсегда, наивность проходит со временем... возможно. Как-то так. Эта девчонка не имела ни малейшего понятия о приличиях и социальных табу, о том, что можно и чего нельзя. Под вывеской: что хочу, то и ворочу. Дитя природы. Держать язык за зубами она тоже не умела. Даже речь ее – речь взрослого образованного человека, а не молодежный сленг – всякие словечки проскакивали лишь изредка, – была странной и никак не вязалась с обликом этого существа. Она смотрела на него в упор, и Монах понял, что эта дурацкая идея пришла ей в голову явно не сию минуту.

– А что? – удивилась она. – У нас дома запросто. Кто чей бойфренд – личное дело каждого, никто не лезет. Представляю себе физию Лариски! – Она захихикала и шлепнула ладошками по столу. – Она старая дева, а у меня бойфренд! Хотите, скажем, что вы мой жених?

– Упаси боже! – вырвалось у Монаха.

– Понимаете, я их всех знаю, и это мешает восприятию – то все они кажутся убийцами, то никто, – сказала она, состроив серьезную мордочку. – Не вижу! А вы с вашим опытом путешественника, психолога и математика сразу их... *вычислите!*

Монах вспомнил свой сайт и почувствовал, как загорелись скулы. Издевается, дрянная девчонка? Но она смотрела на него честными глазами пай-девочки из хорошей семьи. А может, Дездемона просто не ее роль, подумал он. Ей бы Фигаро играть... или клоуна.

– Я подумаю, – сказал Монах.

– Может, вы меня боитесь? – спросила нахалка, ухмыляясь, и Монаху показалось, что глаза ее сверкнули зеленым ведьмовским блеском.

«А были ли убийства?» – подумал он запоздало.

Глава 5

Детективный союз толстых и красивых любителей пива

...И вот событие грянуло! В смысле, произошло наконец. Так звезды встали. Два титана, два больших человека, опытный путешественник-психолог Олег Монахов и Алексей Добродеев, надежда и опора отечественной журналистики, встретились на явочной квартире, образно выражаясь – в почти семейном баре «Тутси», где за барной стойкой, как в разноцветном аквариуме, плавают неторопливой солидной рыбой хозяин заведения, он же бармен, Митрич – человек, суровый на вид, но сентиментальный в душе.

С чувством ностальгии, в ожидании тепла и дружбы, Монах переступил родной порог. Митрич оторвал взгляд от полируемого стакана и просиял:

– Олежка! Родной! Я уже и не чаял... исчез, пропал, никто ничего толком, даже Леша Добродеев. Вернулся, разбойник! – Голос его прервался, и он часто заморгал.

– Как ты, Митрич? – спросил Монах, в свою очередь чувствуя комок в горле.

Митрич махнул рукой:

– Все пучком, Олег, скрипим помаленьку. Что нам сделается! Ты сам-то как? Надолго? Может, хватит романтики? Может, бросишь якорь в родной гавани? Поставишь шхуну на прикол? – Митрич, как мы уже знаем, был сентиментален, любил говорить о море, хотя моряком никогда не был, а был, наоборот, сухопутной крысой.

– Может, и хватит, Митрич, может, и брошу. Не знаю пока. А у тебя тут, похоже, без перемен, что есть удивительно при нашей нестабильной жизни. Ты, Митрич, и есть та спокойная родная гавань, куда стремятся корабли.

– Спасибо на добром слове, Олежка. Перемены есть, как же без перемен. Вот телевизор новый, стойка. – Он с гордостью погладил поверхность стойки ладонью. – Хорошая девушка поет по пятницам и субботам, не попсу, а романсы. Люди специально приходят послушать. Стараемся. А как твой бизнес? «Зеленый лист», кажется?

– Бизнес пучком, Митрич. Меня не было полтора года и ничего. Отряд не заметил потери бойца. Иду по городу – ни одной знакомой рожи! Куда они все подевались? Студенты, коллеги, знакомые женщины, наконец? Раньше отбоя не было, а теперь... – Он махнул рукой. – Вот в чем вопрос, Митрич.

Митрич покивал и сказал:

– И все-таки она вертится, Олежка. Я, Леша Добродеев – мы твои друзья. Тут у нас убийство произошло недавно, так мы с Лешей часа два сидели, вспоминали, как вы с ним вычислили маньяка, и Леша сказал, что пишет про тебя книжку. Так что отряд заметил, очень даже, ты не думай.

– Спасибо, Митрич. Леши еще нет?

– Алеша звонил... да вот же он! – воскликнул Митрич, простирая руки к журналисту Алексею Добродееву, который картинно застыл на пороге.

– Христофорыч! – воззвал Добродеев. – Живой! Не ждал, боялся даже думать, а Митрич сказал, что ты вообще не вернешься! Ушел в дацан к далай-ламам, ходишь в оранжевой хламиде под черным зонтиком, четки перебираешь.

Они обнялись, затопали на месте, громко хлопая друг друга по плечам. Митрич снова прослезился и сделал вид, что ему в глаз попала соринка.

– Была у меня такая мыслишка, – признался Монах. – Тишина, покой, заснеженные пики, мысли о великом, но... не срослось! Оказалось, не готов ни морально, ни физически. Веришь, Митрич, твое пиво по ночам снилось! Как сию я с Лешей за нашим столиком в углу, обсуж-

даем текущий момент, а ты в бабочке уже несешь пиво и фирменные бутерброды с копченой колбаской и маринованным огурчиком. Поверите, слюной захлебывался. Слаб аз есмь, признаю и печалуюсь.

– Я сейчас! – встрепенулся Митрич. – Садитесь, ребята!

Они уселись. Добродеев молча рассматривал Монаха.

– Что? – спросил тот наконец.

– Не верю, что ты вернулся. Насовсем или как?

– Вернулся. Не знаю пока. Думаю, насовсем. Ну, разве что буду выскакивать на пару месяцев глотнуть свежего воздуха. Надумал вот купить квартиру.

– У меня есть классный брокер, – обрадовался Добродеев. – Не вопрос. Слушай, Христофорыч, а ты действительно жил в монастыре? Я иногда позванивал Жорику, он держал меня в курсе.

– Жил рядом с монастырем, в Гималаях. Неделю.

– У них что, гостиница там?

– Гостиница – громко сказано. Маленькие бедные гостинички, называются лоджии. Общая комната с «буржуйкой» на первом этаже, на втором – номера-люкс, с позволения сказать. Холод собачий. Кроватей нет, пустые деревянные нары – спишь в спальнике. Если много народу, то прямо на полу. В окнах не стекла, а одно название, дует безбожно. Зато видны розовые заснеженные пики. На рассвете открыл глаза и... нет слов! Снизошло! И понимаешь, что жизнь внизу – суета-сует и всяческая суета. Там тусуются бродяги и романтики со всего мира – братство, понимаешь? Люди без возраста. Все друг друга знают, помнят, радуются. От разреженного воздуха вечная эйфория. Посиделки до утра, байки на интернациональном новоязе, понятном всем, гогот, совместные трапезы, тут же сколачиваются группы по разным маршрутам. Романы завязываются... Леша, ты не поверишь, но это входит в кровь.

– Завидую, Христофорыч. Завидую и чувствую себя серым обывателем. Лам видел?

– Конечно! В монастырь можно зайти даже во время службы. Народ приветливый, смиренный, все улыбается да кланяется. Кстати, подарок! – Он вынул из кармана два пакетика пергаментной бумаги, протянул один Добродееву. – А это нашему Митричу. – Он отложил второй в сторону.

– Что это? – Добродеев с любопытством развернул пакетик и вытащил крошечный желтый вымпел с черными характерными иероглифами непали.

– Мантра. Заклинание. Как у нас говорят, привязка на удачу, здоровье и деньги.

– Спасибо, Христофорыч. Это вешается на шею или как?

– Можно на шею, можно прицепить в машине или дома на стенку. Действует везде одинаково. На здоровье.

– Неужели все полтора года там?

– Нет, там я был три месяца. Остальное время я был один. Восходил на хребты и спускался в долины. Потом Алтай. Костерок, речка, лес шумит. И ни телефона тебе, ни Интернета, ни ящика – так же, как тысячу лет назад. Пять тысяч. Сто... Понимаешь? И зверье непуганое вокруг.

– Ты, Христофорыч, последний романтик, – вздохнул Добродеев.

– Таких, как я, много, Леша. Просто народ не ходит по тем дорожкам. Кафешки, горячая вода, сериалы, крыша над головой, дружбаны – как отказаться? А там одиночество, но ты его не ощущаешь, некогда, потому что нужно рыбу поймать или дичь отстрелить, насобирать ветки для костра, сварить уху, поискать ягод, приготовить постель, посидеть вечером у огня, заварить чай на листьях и ягодах – вот день и прошел. Сидишь, смотришь в огонь и думаешь, думаешь... Думается там замечательно. И спится замечательно. Звезды над головой, иногда филин ухнет, эхо прокатится по верхушкам. И депрессий там не бывает. А рассветы какие! Ты, Леша, хоть раз просыпался на рассвете в лесу?

– Знаешь, Христофорыч, меня эта романтика как-то никогда особенно не привлекала, да и змей боюсь.

– Много потерял. Представь себе: ни ветерка, все застыло между ночью и ранью, только вода по камням журчит. Умываешься, аж зубы леденеют. Ухнешь в речку, вынырнешь и – на ту сторону! Потом обратно. Выскакиваешь – зуб на зуб не попадает, но свеж, бодр и оптимистичен. Разотрешься до красноты и кофейку горячего, и кусок мяса зубами рвешь. Не смог от кофе отказаться – увы, слаб человек, Леша. Ну да красивые слабости украшают жизнь.

– Давай вместе, – Добродеев сглотнул. – Переживем зиму – и на волю. Возьмешь?

Монах кивнул.

– А то жизнь проходит, погрязли в мелочовке, копаемся в дерьме... Напиши, Христофорыч, я напечатаю. Путевые заметки.

– Я подумаю. Ты, говорят, книгу пишешь?

– Пишу. Тебе там не икалось? Ты у меня главный герой.

– Дашь почитать. Кстати, у меня к тебе вопрос, Леша. Помню, у тебя были связи... Около двух недель назад, а точнее, двенадцатого октября, была убита женщина, в прошлом судья. Ты что-нибудь знаешь? Убийство действительно имело место?

– Знаю, Христофорыч. Имело. Ее звали Нина Владимировна Сидакова, судья в прошлом, давно на пенсии. Жила себе спокойно, никому не мешала, обеспеченная вдова, по слухам, очень активная женщина – и бегала, и в проруби купалась, и на курорты летала по два раза в год.

– Понятно. Что-нибудь уже известно?

– Христофорыч, откуда такой интерес? – удивился журналист. – Не успел вернуться, как... В чем дело?

– Расскажу, Леша. Помнишь мой сайт?

– «Бюро случайных находок»? Трудно забыть. *Незабываемый* сайт. И что?

– А то, что не успел я вернуться, полез в почту, а там предложение встретиться от женщины по имени Лика. Как будто она только того и ждала, чтобы я вернулся.

– И что?

– А то. Мы с ней встретились, и она мне выложила про убийство. Убитая женщина – ее тетка, оказывается. За три недели до убийства погибла другая женщина из семьи, жена отца Лики – Нора. Разбилась на машине. Лика совсем девчонка, причем без царя в голове, и я засомневался... – Монах замаялся. – Я допускал, что она сочиняет. Попросту врет.

– Зачем?

– Зачем-то. Играет роль.

– Хороши игрушки! А что за семья? Я тут многих знаю.

– Отец семейства Роман Владимирович Левицкий, очень немолодой...

– Левицкий? – воскликнул журналист. – Знаю, конечно. Это наша городская знаменитость. Был у нас в театре главным режиссером, потом уехал за границу на несколько лет, потом вернулся... Давненько я о нем не слышал. Как он?

– Пишет мемуары, почти не выходит из дома по причине почтенного возраста и хворей. Жертва – его старшая сестра, с которой он много лет не поддерживал отношений. У него трое детей – Лика, младшая, будущая актриса, та, что написала мне – без царя в голове. Старшая – Лариса, которая не поддерживает отношений с отцом, и брат, журналист-неудачник.

– Ленка Левицкий! Да какой он журналист, недоразумение сплошное. Убитая его тетка?

– Да. А женщина, что разбилась, – жена Левицкого, то есть их мачеха. Намного моложе старого Левицкого. Все друг друга терпеть не могут, никто ни с кем не общается, а тут еще эти смерти. Леонид постоянно на мели, ожидает наследства, тянет из отца на жизнь. Старшая, Лариса, – адвокат, характер нордический. Младшая... та самая – отдельный разговор, очень странная особа, доложу я тебе. Семнадцати лет от роду, но врет, что двадцать, и все время

играет роль. Кроме того, на голубом глазу вытаскивает из шкафа все семейные скелеты и приводит всякие порочащие подробности...

– А чего она хочет?

– Она считает, что должно произойти еще одно убийство, и просит вмешаться.

– Откуда она знает?

– Знаешь, что такое дедукция?

– Ну... выводы от общего к частному. Все люди смертны, Сократ – человек, значит, смертен... как-то так.

– Вот так примерно Лика и рассуждает. Убивают членов семьи, они все члены семьи, значит, их тоже... это самое.

– Глупости! Смерть мачехи, скорее всего, случайность.

– Скорее всего. Грубо говоря, вероятность пятьдесят на пятьдесят, но с каждым новым убийством кого-то из семьи вероятность того, что это случайность, уменьшается. Согласен?

– В общем... согласен. То есть ты думаешь, что... что ты думаешь, Христофорыч?

– Не знаю, Леша. Мало информации. Может, ты по своим каналам... – Монах выразительно посмотрел на журналиста.

– Что именно?

– Сначала по тетке. Было ли ограбление, следы взлома, кого подозревают, угрозы, телефонные звонки... словом, все, что у них есть.

– Кое-что я уже знаю, – сказал Добродеев. – Она получила несколько почтовых открыток без текста и обратного адреса, там был только год... не помню точно, восемьдесят какой-то. Не то второй, не то третий. Версия... одна из версий – месть за вынесенный когда-то приговор. Они собираются перелопатить архивы и подобрать подходящие кандидатуры на роль убийцы.

– Восемьдесятые? Давненько. С какого перепугу убийца так долго тянул?

– Мало ли, всякие бывают обстоятельства. Может, кто-то из семьи осужденного...

– Бывают всякие, – покивал Монах. – Кто-то из семьи, говоришь? Прямо вендетта, как-то не по-нашенски, Леша, мы люди незлобивые, так долго ждать не будем. Узнаешь?

Добродеев кивнул.

– И о гибели этой женщины, жены Левицкого. Ее звали Нора, она была актрисой. Откуда возвращалась – дело было на загородном шоссе, поздно вечером, они живут за городом; что с машиной, ну, там, неисправность... не знаю. Все, что выявила экспертиза, как-то так. Все, что сможешь. И еще. Что представляет собой Посадовка в данный момент? Во времена моей юности это был занюханый пригород, мы туда с Жориком ходили драться с местными пацанами и купаться в пруду. Помнишь Жорика?

– Конечно, помню! Как он?

– Нормально. Крутится.

– А бизнес? Никто больше не наезжал?

– С тех пор никто. Бизнес в порядке. Леша, Левицкие живут в Посадовке, потому и спросил. Меня пригласили к ним в гости.

– Посадовка сейчас почти город. Западная часть не изменилась, а в восточной лет десять назад стали селиться денежные мешки, там не дома, а замки с заборами по три метра. Экология хорошая, речка чистая, лес. Цены на землю подскочили в десятки раз. В какой части они живут?

– Понятия не имеют. Лика пригласила меня на день рождения матери.

– Матери? Но ты же сказал...

– Она уже двенадцать лет как умерла, Леша, но семья отмечает день ее рождения – пятнадцатого ноября, – традиция такая. Это единственный случай, когда они собираются вместе. Дом, думаю, в «старой» части, так как ему чуть не сотня лет. Деньги у них водятся, но они

не олигархи, как я понимаю. Отцу отстегивают роялти за спектакли, которые до сих пор идут, он и сыну на жизнь подкидывает.

– Пойдешь?

– Еще не решил. Понимаешь, история какая-то сомнительная, да и Лика – девчонка ушлая, с фантазией, не знаю, что задумала.

– Ты думаешь, она в чем-то замешана?

– Вряд ли, но от нее можно ожидать чего угодно.

– Ты действительно веришь, что произойдет еще одно убийство?

– Я не знаю. Не удивился бы, если бы оказалось, что ей что-то известно.

– Почему же она не сказала?

– Трудно сказать, что у нее в голове. Она все время играет роль, притворяется, смотрит наивными глазами и выкладывает такие подробности о семье, что невольно думаешь – притворяется или действительно глупа? Возможно, она знает что-то, но поскольку речь идет о семье, то боится, потому и позвала на помощь. Это наводит на мысль, что поделиться ей больше не с кем.

– Чем она занимается? Учится?

– Учится в театральной студии, будущая актриса.

Добродеев рассмеялся.

– Знаю я эту братию! Игра, экзальтация, чем слабее и бесталаннее, тем больше фанаберии. Семнадцать лет, совсем девчонка... Конечно, играет.

– Отец – известный режиссер, а что, если и ей тоже охота примерить лавры великого режиссера? И поставить спектакль на семейном празднике? Ты меня знаешь, Леша, я вижу людей насквозь, а что она такое – не понял.

– Там нечего понимать, Христофорыч. Нет там ничего – что видишь, то и есть. А ты ищешь двойное дно. Вот что значит привычка долго сидеть и думать, глядя в костер. В жизни все проще. Девчонка она и есть девчонка, вспомни себя в семнадцать. Тоже напускали на себя, делали вид, всякие понты пацанские...

– Ты думаешь?

– Уверен. Познакомь нас, интересно было бы взглянуть.

– Ладно, как-нибудь при случае. Может, ты прав, Леша, не приходилось как-то сталкиваться с современными малолетками.

– Только не нужно их переоценивать. Что, охота ввязаться?

Монах задумался. Пропустил бороду через пальцы и сказал:

– Засиделся я в лесу, Леша. Можно бы и ввязаться. Иначе, зачем сайт? Предложил помощь и в кусты? Посмотрим. Мы вместе?

– Не вопрос. Как в знаменитой пиратской песне... спина спиной у мачты против тысячи вдвоем. Эх, Христофорыч, если бы ты знал, как мне тебя не хватало! – Добродеев дрогнул толстыми щеками. – Ладно, к черту лирику! Давай, друг мой, примем за наш Детективный союз толстых и красивых любителей пива! А потом за твое возвращение. А потом за бизнес. Дел непочатый край! Когда нужна информация?

– Чем раньше, тем лучше. Все, что сможешь, Леша. Спектакль назначен на послезавтра на шесть вечера. Я должен прибыть во всеоружии.

Глава 6

Знакомые все лица, а также Монах

Монах достиг пределов Посадовки, поплутав, несмотря на кривой план, начертанный рукой Лики, нашел наконец дом тринадцать по улице Цветочной и полез из машины. Открыл ворота, придавил кирпичом и въехал во двор. Запарковался у дома рядом с другими машинами. «Бьюик», с кровью вырванный у Жорика с заверениями беречь, не лихачить, «а то знаю я тебя», и ничего, кроме минералки, не пить, предмет его любви и гордости, выглядел солидно и достойно рядом с «Мерседесом», «Хондой» и «Лендрровером», стоящими тут же. Жорик очень переживал и вознамерился было ехать с Монахом, но Монах его отговорил.

Он высадился из «Бьюика», пискнул пультом и зашагал к дому. Дом – несурзное, с асимметричными темными крыльями мрачное двухэтажное сооружение под островерхой черепичной крышей, красной когда-то, а сейчас изрядно потускневшей, покрытой серо-зеленым мхом, – имел на себе налет готики и смотрелся настоящим родовым гнездом. Почти все окна были освещены, из трубы валил дым – топили камин, понял Монах. Трава была покрыта побуревшими листьями, на длинных клумбах вдоль дорожки торчали полумертвые растения с полумертвыми цветками, схваченные первыми заморозками. За домом угадывался сад; запахи каминного дыма, мокрой земли и поникшей зелени смешивались в острый, неприятный носу коктейль, наводивший на печальные мысли об угасании, тлении и смерти. Монах оглянулся – соседних домов не было видно, участок по периметру беспорядочно зарос кустами малины, как он определил, и еще какими-то, возможно жасмином или сиренью. Одицавший сад, запредельная тягучая тишина, сизый рыхлый туман, наползающий из сумеречных закоулков... Монах поежился. Даже освещенные окна не добавляли картине оптимизма.

Ступеньки, а потом и крыльцо затрещали под его солидным весом. Он поправил галстук-бабочку, хотя под бородой все равно не видно, внушительно кашлянул и надавил на кнопку старинного медного звонка. Вздрыгнул от скрежещущего звука и оглянулся...

Он не услышал шагов и невольно отступил от распахнувшейся двери. На пороге стояла высокая тонкая женщина и смотрела вопросительно. Свет падал из-за ее спины, и вокруг головы светился нимб.

– Добрый вечер, – сказал Монах. – Я Монахов.

– Прошу! – Она посторонилась, и Монах вошел в большую темноватую прихожую.

Женщина была безликой, что немедленно бросалось в глаза. Невыразительное лицо, бледное и бесстрастное, гладко зачесанные светлые волосы, узел на затылке. Темное платье и туфли на низких каблуках. Нитка жемчуга. Образцовая экономка из буржуазного дома средней руки.

Она повернулась и пошла вперед. Монах последовал за ней. Из глубины дома слышались голоса, смех, звяканье посуды. Он появился на пороге гостиной, и голоса смолкли. Он стоял на пороге – большой, внушительный, в темно-сером костюме, с окладистой бородой и перехваченными кожаным шнурком волосами. Люди за столом молча рассматривали Монаха. Он пробасил: «Добрый вечер, господа!» Ответили ему вразнобой. Он обежал взглядом всю компанию, выхватывая тех, кого узнал по описанию Лики. Во главе сидел полный седой старик в черном, на голове его красовался красный шутовской колпак с бубенчиками, а в левом ухе – серебряная сережка – видимо, отец семейства, культовый режиссер Роман Левицкий; напротив, через стол, – молодая женщина со строгим лицом учительницы, не иначе старшая дочь Лариса. Монах задержал на ней взгляд – она ответила ему жестким и вызывающим взглядом. По правую руку от хозяина сидел молодцеватый старик с седыми усами и стрижкой ежиком – доктор? По левую – немолодая, сильно накрашенная дама с густыми бровями и пышной при-

ческой, рядом с ней Лика, затем молодая красивая женщина с недовольным лицом. «Ирина!» – вспомнил он. Рядом с ней – молодой человек с коротким носом и пухлыми детскими губами, похожий на старика, видимо, журналист-неудачник Леонид Левицкий. По левую руку от него еще одна женщина, красивая и пышная – не иначе, Алиса. Пару, сидевшую к нему спиной, разглядеть он не сумел – они не повернулись.

Лика выпрыгнула из-за стола, бросилась к Монаху. Схватила за руку, чмокнула в щеку и объявила:

– Мой друг Олег Монахов! Прошу любить и жаловать! – И драматическим шепотом на ухо, встав на цыпочки: – Молодец, что пришел! Я так соскучилась!

Монах, давший себе слово не реагировать на нахальную девчонку, тем не менее оторопел. Ирина недовольно фыркнула. Лариса продолжала неодобрительно рассматривать его в упор.

– Лика, кто это? – произнесла она резко.

– Мой друг! – вызывающе заявила Лика. – Олег, это моя семья! Моя любимая сплоченная крепкая семья! Мой папочка Роман Владимирович! – Она махнула рукой в сторону полного старика в колпаке. – Доктор Владимир Семенович, старейший друг нашей семьи. Это Элла Николаевна, подруга мамочки, заслуженная актриса.

Немолодая дама помахала Монаху пальчиками, вздернула густую бровь и сказала низким прокуренным басом:

– Привет! Обожаю крупных мужчин! А то теперь одни глистоперые остались, прости господи, смотреть не на что.

Была она сильно накрашена, как уже упоминалось, и наряжена в открытое красное платье с обилием сверкающих не то бижутерии, не то подлинных самоцветов, что требовало изрядной смелости из-за дряблой старческой кожи, усыпанной пигментными пятнами. В ней были порода и стать: прямая спина, вызывающий взгляд черных глаз, смоляные брови, и голову она держала высоко – сказывалась сценическая выучка. Она с ухмылкой смотрела на Монаха, и тот почувствовал, как загорелись уши. Назвать ее старухой не повернулся бы язык. Монах недолго думая подмигнул ей. Она сложила губы для поцелуя и громко чмокнула. Лика хихикнула.

Старый Левицкий погрозил пальцем:

– Элла, оставь мальчика в покое! Знаете, Олег, на ее счету штабеля разбитых сердец, держите ухо востро, не попадитесь. А как она поет цыганские романсы! Слезу из камня вышибает, извините за банальность. Продолжай, дитя мое.

– Это моя старшая сестра Лариса, – сказала Лика с гримаской. – Самая умная и успешная в семье. Кругом положительная, но незамужем, что удивительно. – Лариса шевельнулась протестующе, но промолчала. – Брат Леня, известный писатель, с супругой и подругой супруги Алисой. Почти классик. Ирочка, Алиса, встаньте, девочки, покажитесь во всей красе. А это Виталий и Екатерина, близкие верные друзья незамужней сестры Ларисы...

– Лика, сию минуту прекрати балаган! – резко приказала Лариса. – И придержи язык!

– Девчонка совсем отбилась от рук! – возмутился Леонид.

– Тихо! – негромко произнес старик в колпаке, и наступила тишина. – Леокадия, дитя мое, перестань дразнить гусей, – сказал он после продолжительной паузы. – Я же просил держаться в рамках. А вы, молодой человек, не обращайте внимания на этих филистеров. Рад видеть вас в *моем* доме. Юлия! – позвал он. – Пожалуйста, прибор моему дорогому гостю! Друзья моей дочери – мои друзья. Поближе к нам, мы любим новые лица, правда, Володя?

Доктор согласно кивнул и разгладил усы.

– Лика, это твой бойфренд? – громким шепотом спросила актриса.

– Элла Николаевна! – негромко произнесла Лариса.

– Олег мой друг! – вызывающе заявила Лика. – Близкий!

– Bravo, дитя мое, вкус у тебя отменный, – сказал Левицкий. – Как говорили в мое время: хорошего человека должно быть много.

– Папа! – укоризненно произнесла Лариса, но старик не обратил на нее ни малейшего внимания.

Возникла бесшумно давешняя женщина, Юлия, что-то передвинула на столе, освободила место для новых тарелок – рядом с доктором. Что-то негромко сказала Лике, и та побежала из комнаты. Звякнула вилками и ножами, положила льняную салфетку. Монах уселся. Вернувшаяся Лика плюхнулась в свое кресло по другую сторону стола – напротив. Была она в длинном бархатном платье цвета бургундского, с таким глубоким вырезом, что при желании могла пролезть в него вся. Тонкая шея, острые ключицы и плоская мальчишеская грудка – ей пошел бы костюм Буратино. На голове девушки красовался пышный черный парик с буклями, а на тощих руках – белые кружевные перчатки до локтей. Веер из голубых перьев, довольно облезший, довершал туалет. Монах с трудом подавил ухмылку: еще и Леокадия! Похоже, в семье их было двое с тараканами в голове: папочка с серьгой, в колпаке с бубенчиками, который так обрадовался незнакомцу, и достойная его дочь, продолжательница семейных традиций и папиного театрального ремесла. Двое других – журналист и адвокатесса – выпадали из стиля и были, судя по выражению лиц, враждебным лагерем. Остальные – статисты со знаком плюс и минус. Он понял, почему старшая дочь навещает отца лишь в день рождения матери. Она была здесь неуместна, чужда, и можно было лишь представить себе, насколько раздражали ее эксцентричный папа и неуправляемая придурковатая младшая сестренка.

– За здоровье Каролины! – объявил старик в колпаке, поднимая бокал. – Каролина – моя вторая жена, – пояснил он громко, наклонившись к Монаху. – Мать моих детей. Замечательная женщина! И актриса. Это она назвала всех детей греческими именами, всех на одну букву – заметили? – И негромко добавил, с любопытством глядя на Монаха: – А борода не мешает вам есть? Крошки не застревают?

– Застревают, конечно, как не застревать. Но ведь всегда можно вытряхнуть, – пробасил Монах, напирая на «о», и расчесал бороду пятерней.

Лика хихикнула, старик в колпаке одобрительно ухмыльнулся.

– А вы кто будете, молодой человек? По церковным делам?

– Олег ясновидящий! – брякнула Лика.

– Ясновидящий? – обрадовался старик. – Тем и кормитесь?

– В цирке! – бросила Лариса.

Леонид издевательски расхохотался.

– Нет, ясновидение – это хобби. Для души. Для брэнного тела трудимся по фабричным делам. Фабричка у нас с другом...

– Свечной заводик! – юмористически выпалил Леонид.

– Не угадали, молодой человек, – благодушно отозвался Монах. – Пищевые добавки, всякие снадобья и таблетки от нервишек, от бесплодия... Вот, к примеру, у вас есть детки?

– Не ваше дело! – огрызнулся журналист.

– Не мое. Выходит, нет. Могу предложить замечательный сбор с Гималаев...

– Обойдемся!

– Ты бы послушал умного человека, сынок, – ласково произнес старик. Лика фыркнула. –

А по ручке можете, Олег... как вас по батюшке?

– Христофорович.

– Ух ты! – обрадовалась Лика. – Класс! Как Колумб!

– Я интересуюсь, Олег Христофорович, можете ли вы по руке прочесть судьбу, прошлое, будущее... что нас ожидает. И главное – возможно ли направить судьбу, в смысле, подтолкнуть или подкорректировать? Сбить с колеи, одним словом. Или никак – Каинова печать на лбу, рок, фатум, а ты, человечешко, сиди и внимай воле богов! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

– Зачем по руке? Можно по лицу, Роман Владимирович. Насчет воли богов... Все мы в известной степени на поводке у судьбы, так как смертны. Это уравнивает нас в правах. Но до самой последней черты есть выбор, который зависит от... многих факторов. Хотите?

– Хочу! – обрадовался старик. – Давайте про Лариску! Дитя мое, сделай приятное лицо. Лика снова хихикнула.

– Папа! – резко произнесла Лариса и со стуком отложила вилку.

– Давайте я расскажу вам о Каролине, – сказал Монах.

– О Каре? – удивился старик. – Что вы можете знать о Каре?

– Я вижу портрет женщины в лиловом, – Монах дернул бородой в сторону картины, на которой была изображена крупная красивая женщина в пышном лиловом платье, с охапкой цветов. – Типичный Стрелец – тонкий, порывистый, честолюбивый, с острым живым умом и в то же время легкомысленный – играющая золотая рыбка в пруду в солнечный день. Обидчивый и не умеющий прощать.

– Золотая рыбка в пруду в солнечный день, – со вкусом повторил старик. – Это моя Кара! Как живая. Еще безрассудность... Почему, не скажете?

– Черта Стрельца. Черта любого, у кого есть оружие – бесстрашие до безрассудства и любовь к рискам. Пострелять хочется, напугать, сказать «бу»! Спрятаться за углом и выскочить в самый неподходящий момент.

– Именно! Именно, молодой человек! – вскричал старик. – Знаете, что она сделала за пару месяцев до... *ухода*?

– Папа! – предостерегающе произнесла Лариса.

– Она открыла окно, сорвала занавеску, а сама спряталась за дверь. Я вошел, не увидел ее в кровати и подумал, что она выбросилась в окно... и занавеска на полу. Мы тогда жили в городе на десятом этаже. От страха чуть не бросился следом, закричал, лег на подоконник, перевесился, стараюсь разглядеть, что там, внизу... Представляете? У нее был рак, она уже не поднималась. Учудить такое под занавес могла только моя Кара. Актриса до мозга костей.

– Я похожа на мамочку! – заявила Лика.

– Похожа, дитя мое, – согласился отец. – А Лариса – на мою ныне покойную сестру Нину. А в кого Леонид – ума не приложу. Писателей у нас в роду еще не было. Я вот пытаюсь, от скуки...

Леонид буркнул невразумительно.

– Подкидьши! – брякнула Лика. – Нашли в полиэтиленовом пакете под дверью. Папочка тогда работал в театре в Лондоне. В Ленечке чувствуется англичанин, правда? И трубка, и твидовые пиджаки...

– Заткнись!

– Фи, как грубо! Противный! – пропищала Лика, обмахиваясь веером. Монах заметил, как невесомое голубое перышко взмыло в воздух и плавно осело в миску с салатом.

– Леокадия, прекрати! Олег Христофорович, теперь про Ларису! – скомандовал старик.

– Про Ларису, – повторил Монах, глядя на молодую женщину.

Она вздернула подборок, раздула ноздри и вызывающе уставилась на Монаха. Наступила тишина. Ирина иронически улыбалась. Алиса не сводила взгляда с Монаха, даже рот открыла.

– Ум, здравый смысл, принципиальность, – начал он. – Высокомерие. Чувство порядка и справедливости. Нетерпимость к инакомыслию, глупости и эксцентричности. Чувство юмора... пожалуй. Скрытый комплекс неполноценности и, как следствие, боязнь нарваться на грубость и отказ, отсюда стремление держать дистанцию, отгородиться щитом, отсюда безликая одежда, безликая внешность... маникюра тоже нет, я думаю. Склонность к насилию и деспотизму.

– Ва-а-у! – ошеломленно протянула Лика. – Разделал как орех! Вылитая Лариска.

– А как сочетается комплекс неполноценности со склонностью к деспотизму? – с любопытством спросил старик.

– Они взаимосвязаны. Комплекс неполноценности начальника диктует ему поставить на место талантливого подчиненного, то есть проявить деспотизм. Но умный начальник этот комплекс подавляет, тем более, как я сказал, тут в наличии чувство справедливости и порядка. То есть идет постоянная война – с собой, с окружением... Кроме того, Овен вообще знак упрямый.

– Откуда вы знаете, что я Овен?

– Чувствую, Лариса.

– Тяжело? – спросила она насмешливо.

– Я привык, – потупился Монах.

– Все вы врете. Я тоже так могу. Хотите?

– Валяйте, – хотел сказать Монах, но вместо этого произнес мягко: – Да, пожалуйста, Лариса. – Он не упускал возможности назвать ее по имени, словно приручал.

– На сцене не пробовали себя, молодой человек? – спросил старик, ухмыльнувшись, с удовольствием переводя взгляд с дочери на гостя.

– Не довелось.

– Про Ларису это вы хорошо, не в бровь, а в глаз. Особенно насчет безликой одежды и безликой внешности. И комплекс неполноценности! Я догадывался, но не был уверен. Вы раскрыли мне глаза, Олег... Можно просто Олег?

– Можно.

– Вы лицемер, притворщик и дешевый балаганщик! – отчеканила Лариса. – Кроме того, вас интересуют молоденькие глупые девчонки.

Леонид злорадно расхохотался.

– В общем, неплохо, – покивал Монах. – Очень неплохо. Что до женщин, то вы ошибаетесь, Лариса. Меня интересуют зрелые, умные и самостоятельные женщины с жестким характером. Внешность не суть.

– Настоящий полковник! – воскликнула актриса. – Внешность лишь маска, я всегда говорила.

– Офигеть! – восторженно выкрикнула Лика. – Лариска, слышишь? Внешность не суть, а маска! Я бы на твоём месте... – Она закатила глаза и взмахнула веером.

Лариса не нашлась что сказать и вспыхнула скулами. Виталий поднялся и, не извинившись, ни на кого не глядя, вышел из гостиной. Его подруга растерянно смотрела ему вслед. Была это миниатюрная миловидная блондинка, на лице ее играла слабая бессмысленная улыбка.

– Лика, дитя мое, следи за речью, – попенял дочери старик.

– Расскажите про меня! – Пышная Алиса, улыбаясь, призывно смотрела на Монаха.

– С удовольствием, Алиса. Водолей – мой любимый знак, никогда не знаешь, чего ожидать. Красивая женщина, тайные страсти, бурные чувства, интриги...

– Откуда вы знаете, что я Водолей? – кокетливо удивилась Алиса.

– Это Лика вам рассказала про нас! – заявила Ирина. – И вы устроили спектакль. Роман Владимирович, неужели вы ему верите?

– Такие люди, как Олег, украшают жизнь, дитя мое, – благодушно заметил старик. – Ясновидящие они или нет. Что до веры и истины, то эти две величины далеко не тождественны.

– Дальше! – потребовала Алиса.

– Дальше... пошли дальше, – Монах набычился и уставился ей в глаза. – Некоторая сумбурность вам не вредит, а частые влюбленности, пленительная легкость, покладистый характер делают вас неотразимой. Кроме того, внешность! О такой подруге любой мужчина может только мечтать. Но вам нужно быть осторожнее с планами на будущее.

Алиса хихикнула в притворном смущении:

– Планы на будущее? Какие планы? Нет у меня никаких планов. Живу себе...

Леонид смотрел волком, раздувая ноздри.

– А вы, Ирина, удивительно негативно мыслите, – вдруг сказал Монах, глядя на Ирину. –

Постарайтесь убрать «нет» из вашего словаря.

– Что вы несете? – возмутилась Ирина. – Что вы вообще можете обо мне знать?

– Иногда полезно спуститься на землю. – У Монаха было чувство, что он разворошил муравейник – и продолжает тыкать в него палкой. Старая актриса не спускала с него ухмыляющегося взгляда.

– Я вас не просила рассказывать обо мне! Мне неинтересно!

– Неправда, вам интересно, но вы боитесь. Хотите совет?

– Нет! – выпалила Ирина, и все рассмеялись. Даже Лариса дрогнула уголком рта.

– Не бойтесь смеяться над собой, очень помогает в жизни.

– Мы в ваших советах не нуждаемся! Вы пришли в наш дом и оскорбляете членов семьи!

Я этого не допущу! – возмутился Леонид.

«Ну и дурак!» – подумал Монах.

– Успокойся, сынок, – старик поднял руку. – Во-первых, дом не «наш», а мой, и, во-вторых, меня наш гость не оскорбляет. Скорее наоборот – забавляет. Спасибо, Лика. Тебе, сынок, тоже не помешало бы иногда смеяться на собой, а то ты весь такой... скукоженный, как стручок, застегнутый на все пуговички, аж скулы сводит. Интересно, ты способен выругаться, как всякий нормальный мужик? Ну-ка, скажи «жопа»! Порадуй папу. Ну!

Лика восторженно взвизгнула. Старая актриса в притворном смущении опустила глаза, метнув в Монаха смеющийся взгляд. Он невольно ответил ей улыбкой.

– Папа! – произнесла замороженным тоном Лариса.

– Леня, сию минуту скажи «жопа»! – Старик постучал ножом о бокал.

– Отец, это невыносимо! Ты унижаешь меня в присутствии... посторонних! – В голосе сына зазвучали истерические нотки.

– Ленька, скажи! – закричала Лика. – Писатель должен уметь ругаться, знать жизнь, спускаться на дно, а ты даже пить не умеешь. И бабы на стороне у тебя нет! Или есть? Скажи!

– Заткнись, дура!

– Скажи, Ленечка!

Леонид вскочил из-за стола и бросился к двери.

– Надоедши людям, и Богу надоел, – заметил режиссер. – Это про моего сына, господи.

– Роман Владимирович, зачем вы так? – Ирина чуть не плакала. – Леня вас так любит!

Мы все вас любим!

– Врите больше! – хладнокровно отозвался старик. – Только и ждете, когда бедный старый папа сплетет лапти, чтобы захватить корону.

– Папочка, я не жду! – закричала Лика. – Живи сколько хочешь!

– Отец, может, переменим тему? – спросила Лариса. – Ради бога, не начинай о неблагодарных детях. Ты не король Лир и здесь не театр.

– Точно! Потому что держу все мое при себе, а этот старый идиот неосторожно подставился собственным детишкам и огреб по полной. Насчет театра ошибаешься, дорогая, театр везде, и все играют. Даже ты. Ну да ладно, давай переменим, коль охота. Виталий, как жизнь? – обратился он к появившемуся в дверях молодому человеку. – Курить ходил? Не бросил?

– Не бросил пока, Роман Владимирович, – ответил тот, усаживаясь.

– Надо бросать. Ты вернулся к Лариске или как?

– Папа!

– Мы все друзья, – придушенным голосом отозвался Виталий.

Только сейчас Монах рассмотрел его как следует и подумал, что у Ларисы странный вкус. Виталий напомнил ему крысу: длинный торчащий нос, глубоко сидящие темные глаза и красные губы; добавьте сюда прилизанные черные волосы – и перед вами портрет жиголо в натуральную величину.

– Групповая дружба? Не вернулся, вижу. А она до сих пор страдает, глупая гусыня. Не понимаю, что она в тебе нашла?

– Папа, если ты сию минуту не прекратишь, я уйду! – возмутилась Лариса. – Не все воспринимают твоё чувство юмора.

– Ладно, живите, – махнул рукой старик. – Слова отцу нельзя сказать, рот затыкают. Предлагаю выпить за прекрасных дам! Олег, откройте им шампанское. Вон бутылки на журнальном столике. А мне височек. Такой цветник нечасто увидишь, даже в страшном сне.

Монах взял литровую бутылку искристого вина, сдернул фольгу. Дамы замерли. Алиса пискнула и зажмурилась. Пробка смачно вцепилась в потолок, качнулась люстра, посыпалась штукатурка. Алиса взвизгнула, актриса захлопала в ладоши.

– Чувствую себя грешником в раю. За прекрасных дам! Гусары пьют стоя! – Старик, кряхтя, встал с кресла. За ним поднялись остальные мужчины.

– Вот скажите мне, Олег, как ясновидящий, что там, за чертой? – спросил он, когда все выпили. – Мне этот вопрос не дает покоя, так как я некоторым образом стою на пороге вечности. Что вы, как ясновидящий, имеете сказать по теме?

– Жизнь бесконечна и продолжается в другом формате, – Монах не удивился.

– Вы уверены?

– Я знаю.

– Вы что, были там? – фыркнула Лариса. К шампанскому она не притронулась.

– Был.

– Как это? – вытаращила глаза Лика. Парик на ее голове скособочился, и она напоминала плохо причесанную болонку.

– Есть техники, которые погружают...

– Шар-ла-тан-ство! – отчеканила Лариса. – Слушать противно.

– Ты еще очень молодая, Леля, – заметила актриса. – Вот доживешь до наших лет, тогда поговорим.

– А я верю, – негромко заметила Екатерина. – Иначе ни в чем нет смысла.

Монах подумал, что именно такой должна быть соперница Ларисы – миловидная и не особенно умная.

– Смысл есть в жизни, – упрямо произнесла Лариса.

– И что же там? – спросил старик, теребя бубенчик на колпаке. – Райские кущи? Крылья и арфы?

– Там одиночество.

– Одиночество?

– Да. Вселенское одиночество, покой и вечность.

Наступила тишина.

– Навсегда?

– Там нет времени.

– А в наш мир можно возвращаться?

– Наш мир потеряет для вас интерес. В принципе можно.

– А еще раз родиться? Реинкарнация – миф или реальность?

Лариса возмущенно фыркнула.

– Я не знаю, – сказал Монах. – Но, как бы там ни было, это не должно вас волновать. Память при новом рождении будет стерта, а что мы без памяти?

– То есть мы с Ромчиком в новом рождении друг другу не узнаем? – спросила актриса.

– Боюсь, что нет. Но останется некое притяжение, то самое дежавю.

– Слышишь, Ромчик? Есть надежда на продолжение. Хотя я привыкла брать все сразу и здесь. Но есть вещи, над которыми мы не властны. А потому, господа, предлагаю выпить за реинкарнацию и вечную любовь! – Она поднялась и громко продекламировала, глядя в упор на Монаха:

– В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог –
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрек.
И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили⁵.

Лица хихикнула и в притворном смущении закрыла рот ладошкой. Алиса неслышно ахнула. Левицкий рассмеялся и поднял рюмку.

– А она может нас сейчас видеть? – Он повел взглядом на портрет жены.

– Может, – сказал Монах.

– И может подать знак?

– Они все время подают нам знаки, только мы не замечаем.

– Ой, не надо! – радостно воскликнула Алиса. – Прямо мороз по коже.

– Володя, а ты что скажешь? – обратился хозяин к доктору Владимиру Семеновичу. – Ты как-то странно молчалив сегодня. С точки зрения воинствующего материалиста.

– Не знаю, Рома, хотелось бы верить, но боюсь, там ничего нет. Распад. Пусто. Хотя... – Он запнулся.

– Хотя?... – повторил старик.

– Только не надо страшилок, – воскликнула Алиса, прижимая к щекам ладошки. – Как в прошлый раз, про клиническую смерть. Я боюсь привидений. – Она была пьяна, охотно смеялась и преувеличенно пугалась. И не сводила взгляда с Монаха.

Свет вдруг замигал и погас. Женщины дружно завизжали. Темень упала кромешная, как будто пришел конец света.

– Это Кара, – отчетливо произнесла актриса. – Это в ее стиле. Эй, подруга! Ты нас видишь?

– Мамочка, это ты? – закричала Лица, задирая голову.

– Лица, уймись! – приказала Лариса. – Дурацкие шутки!

– Интересно, это только у нас или везде... – уронил Левицкий. – Почти все время проблемы, представляете, Олег? Дом разваливается на глазах.

Из коридора донеслись грохот и чертыхание.

– Ленка навернулся! – взвизгнула Лица. – И выругался! Наконец-то!

– В прошлый раз света не было три дня, – заметил старик.

– Вы боитесь темноты, Олег? – спросила актриса.

– Конечно, боюсь! – Монах нащупал в кармане мобильный телефон. Вспыхнул зеленоватый свет. Виталий достал свой телефон. В комнате разлился призрачный, пещерный свет. – В темноте прячется зло.

– Ой, снег пошел! – закричала вдруг Алиса. – Смотрите!

⁵ Автор – Максимилиан Волошин.

– Снег?! – Лика бросилась к окну. Прильнула, заслоняясь щитками ладоней. – Пошли играть в снежки! Ну!

Все повернулись к окну. Ночь была не очень темная; они увидели густое и беспорядочное мельтешение снежинок за окном.

– Еще одна зима, – пробормотал старик, дергая бубенчик. – Слышишь, Володя, еще одна зима! Спасибо, Господи!

– Еще постриптизим, мальчики! – сказала старая актриса.

Хлопнула дверь. Вошла Юлия со свечами в двух массивных подсвечниках. Поставила в центр стола. Тотчас заметались черные тени по стенам. Красноватое пламя подрагивало на сквознячке. Она принялась передвигать что-то на столе.

– Знак? – негромко произнесла Ирина. – Как по-вашему, Олег, это был знак? То, что погас свет.

– Вряд ли, – ответил Монах. – Скорее проблема с электросетями.

– Док, ты сказал «хотя», – напомнил хозяин.

– Я действительно сказал «хотя».

– И что бы это значило?

– Хотя – это хотя. В смысле, сомнение. То есть не знаешь, что и думать.

– Не томи!

– Владимир Семенович, пожалуйста!

– Дядя Володя!

– Ну что ж... вокс мулиебри, вокс дей⁶, – произнес доктор. – То есть голос женщины – голос Бога, как, возможно, говорили в Древнем Риме. Извольте, господа. Но предупреждаю заранее: я не терплю критики, а потому слушать молча и не перебивать. Молча! Без глупых замечаний и глупых вопросов. Рома, слышишь?

– Я превратился в одно большое ухо и буду нем как немая рыба.

– Смотри. – Он помолчал, собираясь с мыслями, и начал неторопливо: – Так вот, господа, много лет назад приключилась со мной некая история, и я до сих пор не знаю, что это было. Много думал, прикидывал и так и этак, но ясного понимания, что же произошло на самом деле, у меня нет до сих пор.

– Дядечка Володя, я так люблю ваши истории! – воскликнула Лика с радостным ужасом. – И снег пошел, и света нет! – прибавила она ни к селу ни к городу. Вдруг стремительно поднялась и задула свечи. – Так страшнее!

Никто не успел ничего сказать. Снова тьма, замешательство, визг дам. Первой опомнилась Лариса:

– Немедленно зажгите свечи! У кого есть зажигалка? Лика, опять твои idiotские шуточки!

– Доктор, рассказывайте!

– Сию минуту зажгите свечи!

Виталий защелкал зажигалкой. Вспыхнули свечи. Снова заметались по стенам черные тени...

⁶ Vox muliebri vox dei (лат.) – Голос женщины – голос Бога.

Глава 7

Где-то мистическая история. Рассказ доктора

– Я был тогда молодым человеком, – начал доктор неторопливо, – студентом третьего курса мединститута. Считал, что знаю и понимаю больше профессуры, среди которой такие были мастодонты... Профессор Лепешинский Станислав Юрьевич, например, известный психиатр, восьмидесяти лет отроду... повторял часто, что не хлебом единым, имея в виду, что не только материя, но и дух. И, говорили, верил в Бога, что нам было совсем уж непонятно. Такой оригинал, полностью устаревший и годившийся только для музея. И другие. А мы... Молодость самонадеянна, чем и хороша. Все ясно, все понятно, а что непонятно, то вскрытие покажет. Это потом, с возрастом, оказывается, что есть вещи, которые с кондачка объяснить не получается.

– Минуточку, не согласен, – перебил его Виталий. – Считаю, наоборот. С опытом все меньше неясных жизненных моментов.

Лица фыркнула и закатила глаза.

– Зависит от опыта, не буду спорить, – сказал доктор. – У каждого по-своему. Да, так вот, снимал я тогда однокомнатную квартиру в хрущевке, на пятом этаже. С балконом. Брали с меня немного, почти ничего, сдавала школьная подруга матери, а то не потянул бы, хотя и подрабатывал в морге санитаром. Хорошая тетка, добродушная, смешливая, только с замужествами не везло. Или, наоборот, везло – семь раз была замужем.

– Семь раз!? – ахнула Алиса. – Как это?

– Замечательная, должно быть, женщина, – заметила актриса.

– Семь. И что примечательно, все мужья умирали не своей смертью. Один на фронте погиб, другой в мирное время уже под машину попал, третий, прораб, упал с крыши новостройки, четвертый утонул, и так далее. Другую бы такие несчастья согнули, а она ничего – поплачет и снова замуж. Разное говорили – и ведьма, и проклятая, и на роду написано, а только всегда находился желающий испытать судьбу. Ну, да не о ней речь.

– Точно ведьма, – заметил старик Левицкий. – Знавал я таких.

– Возможно. Ну, жил я там, не тужил. Сами знаете, какая студенческая жизнь. Все на бегу, все хип-хап. Ни поесть толком, ни поспать. Она меня подкармливала, славная женщина. И вот как-то ночью... – Доктор сделал паузу, обведя присутствующих взглядом. – ...Как-то ночью выхожу я на балкон... а было не то два, не то три уже. Осень, начало октября, но еще тепло. Ночь, полная луна прямо над балконом, в лицо смотрит. Сна ни в одном глазу, и читать уже не могу – голова гудит, и перекусить вроде не помешало бы – желудок подает сигналы, а только нечего. Чертыхнулся – хлеба и то не купил, забыл. Сейчас бы в самый раз краюху на свежем воздухе. Но, увы.

Скольжу взглядом по окрестностям. А там, необходимо вам заметить, многоэтажки стояли вкруговую, а в центре – двор: деревья, детская площадка, трансформаторная будка, все как полагается. Все спят, редкие окна светятся. И вдруг вижу, что в доме напротив, тоже на пятом этаже, стоит в окне фигура в белом. Явственно так вижу, как будто рядом. Лица, конечно, рассмотреть не могу, но фигура и белая одежда говорят о том, что это женщина. Стоит неподвижно, смотрит. Видимо, на меня. Во всяком случае, не могла не заметить – я торчу на балконе, как дырка на картине. И луна-лунища сверху ухмыляется. Ну, я возьми и помаши ей обеими руками – сцепил над головой и помахал, как будто призывал к миру и дружбе. К моему удивлению и радости, она отвечает! Тоже махнула рукой. Тут я совсем раздухарился, луна, что ли, подействовала – показываю ей, что спускаюсь.

Лица пискнула, и доктор погрозил ей пальцем. Она зажала рот рукой и вытаращила глаза.

– Я вообще довольно стеснительный был, хоть и делал вид, что бывалый, – продолжал доктор, – а тут вдруг как с цепи сорвался, и что-то такое уже мнилось мне – романтическое знакомство, красавица, которой не спится, луна-сводница, и так далее. Человек молодой, гормоны играют, несмотря на ночные бдения над учебником. Ну, помчался я как был, только рубашку схватил. Одевался уже на ходу.

Выскочил, оглядываюсь – ее еще нет. Присел на бортик песочницы и чувствую, колотит меня всего от нетерпения. А ночь такая ясная, такая тихая, восторг, а не ночь. Я уверен: каждый из вас знает это чувство ожидания, когда трясет всего, сердце готово выскочить, выбрасывается адреналин и наступает общее затмение мыслительных процессов. И вдруг меня обжигает с головы до пят – а если я не так понял? И она не придет, или пошутила, или вообще мне показалось? Не успел подумать, как вижу, идет, как плывет. В белом платье, в темной шали с блестками, что особенно красиво в лунном свете. Привстал, бормочу что-то, она засмеялась, как жемчуг рассыпался. А я уставился, обалдел, потом от растерянности протянул руку. Она – свою, ручка у нее прохладная, мягкая, такую ручку только целовать, и села рядом. Луна искажает лица, кажется ведь и светло, а рассмотреть и получить правильное представление почти невозможно. Приятное лицо – очень белая кожа, темные волосы, а какие – черные или каштановые – понять невозможно. Глаза блестят, зубы, голос глуховатый, и постарше меня лет так... я прикинул – на шесть-семь. И пахнет, как я почувствовал на голодный желудок, приятно, терпко и нежно. – Доктор замолчал.

– И что дальше? – спросила Алиса. – Только не говорите, что не помните деталей. Давайте с деталями.

– Детали вам подавай, – хмыкнул доктор. – А если я сейчас вам скажу, что не было деталей? Что посидели мы так с полчаса, покалякали ни о чем да разошлись? А луна спряталась в тучи?

– Ни за что не поверю! – воскликнула Алиса.

– Ври больше! – скептически заметила актриса. – А то я вас, мужиков, не знаю.

– Рассказывайте дальше, Владимир Семенович, – попросила Лика. – Аж мороз по коже!

– *Вы сказки любите, как дети,* – говорит доктор. – *Как дети, вы боитесь их.* – Значительно помолчав, добавляет: – Это не мое, и не о женщинах. Ладно, слушайте дальше. Сидим мы, значит, с ней рядом, у меня голова кругом, несую какую-то чушь, анекдоты вроде рассказываю из студенческой жизни, острить пытаюсь, словом, пацан пацаном. И вдыхаю ее запах – а на голодный желудок все запахи усиливаются – кожи, волос, духов, и хочется мне ее схватить, смять, и только робость не позволяет. Робость, неуверенность и страх даже. А ведь я уже обстрелянный был, хоть и не нахальный, и девочки у меня были, и медик все-таки – никаких тайн, обо всем открытым текстом, даже козыряли таким полудетским показным цинизмом, а тут вдруг застопорило меня. И обстоятельства благоприятны, вот ведь в чем дело, а не могу, прямо наваждение какое-то! Даже обнять не могу, руки как свинцом налиты. И не похожа она на недотрогу, сидит рядом, улыбается, зубы блестят, иногда касается плечом. И вышла ведь к незнакомому человеку ночью!

«Посмотрите, какая луна», – вдруг говорит она, прерывая поток моей нервной болтовни. И так она это говорит, что дураку ясно – надо ответить, причем не словами, а действием. Я и ответил. Пересилил свинцовость руки и обнял ее за плечи. Она не отпрянула, как будто и не заметила. «Удивительная луна, – говорю хрипло. – И ночь удивительная!» – «Да, отвечает она, ночь... хорошая. Ночью человек всегда одинок, правда?»

Думаю, что значит – одинок? И почему именно ночью? Кто-то одинок, кто-то в компании. Мычу что-то невразумительное. А она словно не слышит, продолжает, словно говорит сама с собой: «Ночью понимаешь все так ясно, так бесповоротно... и смысл другой, правда?»

Ну, почему же, говорю, ничего не понимая. Странная она какая-то... Что понимаешь? Какой такой другой смысл?

«Холодно, – вдруг говорит она и кладет мне голову на плечо. – Там наверное тоже холодно?»

Кто-то судорожно вздохнул.

– Тише! – шикнула Лика.

– И так она произнесла это «там», – продолжал доктор, – что я сразу понял, *что* она имеет в виду. Там, за гранью! И чувствую, как наливаются холодом моя рука, обнимающая ее, и плечо, на котором лежит ее голова. И тоска подкатывает, и нет уже той радости, что минуту назад. А луна сияет в полный накал, смотрит сверху, и я уже чувствую, что не таинственный и радостный ее свет, а, наоборот, ртутный, мертвый.

«Знаете, – говорит она, – я всегда любила луну. *Любила!* Она как подруга, говорит, все про тебя знает наперед. Не скроешься. И все видит... и поможет в случае чего».

Поможет в случае чего? О чем она?

«Вот и вас она вытащила, – говорит. – Она вытаскивает человека из искусственной оболочки, обнажает сущность, правда? Поцелуйте меня!» И поворачивается ко мне, смотрит громадными темными глазами, в которых... даже не знаю... надрыв, тревога, страх. И прикасается к моим губам своими мягкими и нежными губами, а меня не желание охватывает, а ужас. И обнимает меня, прижимается, бормочет что-то, всхлипывает. И чувствую, как тяжелеет она у меня в руках, словно засыпает, и, похоже, уже и не дышит, а я не могу пошевелиться...

Ирина незаметно перекрестилась.

Доктор замолчал.

– И... что? – спросила дрожащим голосом Екатерина.

– Да, собственно, это все, – говорит доктор. – Она вдруг отпустила меня, встала и говорит: «Спасибо вам». За что, отвечаю, совсем растерянный. За то, что посидели, поговорили. Человек не должен быть один, правда? А то всякие глупые мысли в голову лезут, а тут еще эта луна... Тут она засмеялась, повернулась и пошла к дому. А я рванул к себе на пятый, забежал, захлопнул дверь и выскочил на балкон. А она уже там – стоит у окна, рукой махнула. Я ей в ответ, а сам думаю – ну, дурак! Такой шанс упустил! И луна уже нормальная, и ночь как ночь, и не понимаю уже, что на меня нашло, ей-богу, как истеричка. С голодухи или перезанимался? Упал на кровать и как провалился, даже эротические сны не снились. Утром встал и побежал в бурсу, да прямиком в буфет! Да кофе, да стакан сметаны, да пачку печенья! И только легкое сожаление осталось от ночного приключения, приятное такое сожаление – именно тогда-то я и понял, что необязательно доводить все до конца, что в недоведенности до конца и недосказанности есть своя прелесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.